АЙЛИН ЛИН
ДЖЕЙН
ЛЕДИ-СЛУЖАНКА

Айлин Лин
Джейн. Леди-служанка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69411172
SelfPub; 2023

Аннотация

Уснула в своей кровати, а проснулась в чужой… И мир не мой, и даже время не то. Новой жизни не просила, да и тело моё прошлое меня вполне устраивало. Сейчас же я подросток и судьба совершает такие виражи – аж голова кругом! Но выдать себя ни в коем случае нельзя – инквизиция есть и тут и она не дремлет!Родственники достались не из самых приятных, и как им противостоять пока не знаю, но обязательно что-нибудь придумаю!Я не из тех, кто безвольно плывёт по течению!Проды пока без графика.Огромное спасибо всем, кто зажигает звезды и оставляет комментарии)

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Глава 3 15
Глава 4 22
Глава 5 29
Глава 6 35
Глава 7 43
Глава 8 53
Глава 9 59
Глава 10 65
Глава 11 71
Глава 12 79
Глава 13 85
Глава 14 91
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Айлин Лин
Джейн. Леди-служанка

Глава 1

Мы шагали по слабоосвещённому коридору, единичные чадящие факелы вместо того, чтобы хоть как-то обогреть, ещё больше пугали и заставляли меня вздрагивать от любого подозрительного шороха в погружённых в темень углах. Чуть впереди степенно двигалась мать-настоятельница, державшая спину так прямо, что я каждый раз невольно прислушивалась, а не хрустнет ли у неё там что-нибудь? Рядом со мной, поглядывая по сторонам, шла моя родственница, очень красивая женщина, должна заметить, внешность у неё была просто ангельской: белокурые локоны, благородный светлый лоб, голубые ясные глаза, узкий аристократический нос, алые, как спелая вишня, губы, высокая грудь, тонкая талия и длинные, стройные ноги. Невероятное сочетание нежной очаровательности с убийственной сексуальностью. И мой дедушка повёлся на всё то показное великолепие в сочетании с милейшей, практически овечьей кротостью.

На самом деле Луиза ла Асолье не была хорошей. Вообще, далека от этого понятия. Она оказалась страшно алчной и злобной мегерой. Любить эта женщина могла только себя и

деньги. Ну ещё власть, что эти деньги давали.

Пока дедушка был в сознании и вполне бодр, она умело скрывала свой истинный нрав, но стоило ему слечь с инфарктом, как началось. И чем реже старый лорд приходил в сознание, тем более стервознее становилась мадам Луиза.

Мы свернули за угол и остановились перед дубовой дверью. Настоятельница – Мария Вега, вынув из широкого кармана своей тёмно-синей рясы увесистый ключ, вставила его в замочную скважину и, дважды провернув, толкнула дубовую створку.

– Проходите, леди ла Асолье, мисс Джейн, прошу, – пригласила она нас внутрь своего кабинета.

Мы гуськом, друг за другом перешагнули невысокий порог, и после короткого кивка хозяйки, уселись на твёрдые, холодные стулья. В небольшом камине весело горел огонь, немного разгонявший сумрак в аскетически обставленном помещении. Три стула, рабочий стол монахини, плетёный коврик на полу, парочка навесных полок, вбитых в каменную стену, заполненные свитками и стоящими в один ряд бережно хранимые от пыли и насекомых фолианты.

– Я к вам приехала по очень важному делу, – не стала тянуть кота за хвост моя «бабушка» и сразу же заговорила о важном, я же уже догадалась, зачем она меня сюда притащила, – моя, мхм, внучка дурна нравом и хабалиста, – начала она с главного, я не удержалась и закатила глаза к потолку, что не осталось незамеченным от острого взора матушки

Марии.

– Вижу, дочь моя, правду говоришь, – вставила она своё меткое "фи". – Но вы продолжайте, я вас внимательно, очень внимательно, – подчеркнула настоятельница, – слушаю.

– Благодарю, матушка, – улыбнулась Луиза, – так вот, пока мой дражайший супруг находится без сознания, да ниспошлёт ему Всевышний полное исцеление, вот я и решила заняться перевоспитанием нашей внучки, чтобы Патрик, как только очнётся, возрадовался наступившим переменам в характере Джейн. Дорогая, – обратилась она ко мне, при этом умудряясь смотреть вроде и на меня, но всё же куда-то мимо, – ты здесь, чтобы добрейшие монахини взрастили в тебе благородные качества, кои должны приличествовать юной леди. И чтобы твой дедушка смог оценить мой вклад в твоё развитие, как только он придёт в сознание.

– Похвально, весьма, – покивала монахиня, сверля мою дражайшую мачеху спокойным взором серо-зелёных глаз, в глубине коих я всё же заметила алчные всполохи. Деньги, много денег получит монастырь, в том числе и сама настоятельница, если меня запрут в этих застенках.

Вот честно, сейчас я чувствовала себя героиней из одноимённого романа, когда-то написанного гениальной Шарлоттой Бронте. Но в моём случае всё было по-настоящему, и я уже устала щипать себя за запястье, оставляя на нежной коже синяки, чтобы в конце концов в сотый раз убедиться, что вокруг меня суровая действительность, а не сон.

– Вот наш скромный вклад, – на стол лёг увесистый бархатный кошелёк, громко звякнули золотые монеты, а я и глазом моргнуть не успела – мешочек исчез со столешницы натурально волшебным образом: р-раз! и нет его. Вот она магия в действии.

– Всевышний послал вас к нам, ведь вскорости начнутся посевные, и эти средства пойдут на доброе дело, столько всего нужно прикупить, – величественно кивнула матушка, – а за Джейн мы непременно присмотрим, знаете, физический труд и искренняя молитва облагораживают.

Луиза ла Асолье не знала – это было видно по её не ведавшему солнца белоснежному лицу и мягким, нежным ручкам. Но мадам неспешно кивнула, соглашаясь со словами настоятельницы.

Матушка в ответ многозначительно сомкнула веки, и, протянув узкую кисть к увесистому колокольчику, звякнула в него пару раз. Тут же дверь в кабинет распахнулась и внутрь вошла невысокая монахиня, которая очень даже низко поклонилась начальнице. Я бы сказала – подобострастно.

– Вызывали, матушка-настоятельница? – тихий смиренный голосок и скрещенные на животе руки – сама покорность.

– Да, у нас новая послушница – леди Джейн ла Асолье. Определи её в отдельную келью, накорми, юная мисс только прибыла и устала после дороги. Дальнейшие распоряжения поступят позже, – сказав всё это, хранительница монастыря

перевела свой холодный взор на меня и добавила: – Леди ла Асолье, следуйте за матушкой Гложеттой, она вам всё покажет.

Я демонстративно неохотно поднялась и направилась на выход. А эти две дамочки остались наедине, чтобы, видать, обсудить некие детали. Мне бы их подслушать, вот только сделать этого при Гложетте никак не получится.

Глава 2

В этот мир я попала чуть более года назад.

В родном я просто легла спать, а проснулась уже тут: в новом теле и в незнакомом месте. Из приятного – мне теперь не тридцать с хвостиком, как у кометы, а лет семнадцать – тело юное, даже какое-то угловатое, словно подростковое; из неприятного – я любила свой дом и своих родных и всё произошедшее со мной в первый месяц чудилось дурным сном, просто кошмаром! Ладно бы мир был современный, но это оказалось хоть и далеко не Средневековье, но что-то близкое к восемнадцатому веку. Недолго даже думала, что ухнула в наше земное прошлое, ан нет, на меня со всей совей неумолимостью рухнула альтернативная реальность. Лорды и леди наличествовали, замки и рыцари тоже, но церковь была иной, хотя нашлось место и инквизиции, благо с ней я не сталкивалась, а вот географические данные, даже языки – были иными.

И ещё показывать свой крутой нрав, когда в первые дни кто-то из «родственничков» стал насмехаться над Джейн, точнее уже надо мной, не стала – лучше тихо всё разведать, а потом делать. И к тому же, насколько я чуть позже поняла – моё решение не светить новую леди Джейн оказалось верным – слишком явные перемены могли привести к лишним вопросам, а там и к инквизиции. А мне такого вовсе не

нужно… Но нет-нет мой характер всё же прорывался в язвительных фразочках и нежелании починяться.

От воспоминаний, к горлу снова подступили слёзы, обжигая своей едкостью и выжигая что-то внутри. Ну зачем я здесь? Для чего? Я ведь самая что ни на есть попаданка! Обычно у таких людей есть некая миссия. Вот только за двенадцать с лишним месяцев пребывания тут, так и не выяснила, в чём же она (миссия) заключается.

Вздохнув устало, отёрла рукавом ученической рясы слезы с мокрых щёк, и прилегла на жёсткую узкую лавку. В самом начале по ночам, боясь с неё свалиться на холодный, каменный пол, мне приходилось балансировать и спать урывками. И это негативно сказывалось на моём состоянии в дневное время: монахини пахали покруче многих рабочих на заводах. Никакого перерыва на сон, перекур и иже с ними. Даже обед был каким-то скоростным, а после снова работа "отсюда и до заката". Со временем, конечно, привыкла и даже умудрялась высыпаться: отбой был в восьмом часу вечера, практически сразу же после скудного холодного ужина. Подъём в четыре утра и завтрак. И, должна сказать, завтраки я любила: мадам Эбби готовила наивкуснейший хлеб, поверх которого было позволено положить кусочек варёного мяса и ломтик тонкого сыра. Также подавали горячую кашу с добавлением малюсенького кусочка масла, и варёное яйцо. Вот всё это для меня было очень вкусным, и я ни разу не просыпала завтраки. Не могла себе позволить пропустить "пиршество",

хотя порции были весьма умеренные, от такого лишний жирок точно никак не нагуляется.

Вытянув свои тощие кости на лежанке, посмотрела на потолок, на котором я уже успела выучить каждую трещинку и завиток. Прикрыла веки, желая поскорее уснуть.

С тех пор, как меня сюда привезла Луиза, прошло больше полугода. Подруг завести так и не вышло, нам банально не разрешали общаться вне работы на полях и огородах. Вышиванием и иными прикладными искусствами занимались в большом хорошо освещённом зале и между столами непременно вышагивали строгие монахини-надзирательницы. Иногда нам удавалось перекинуться парочкой фраз в ванной комнате, но это происходило так редко и непродолжительно, что толком познакомиться не удавалось. А ещё девочки часто болели, практически через келью слышались сопливые шмыганья и покашливания. Если девушка не могла подняться с лежанки, их куда-то уносили, и чаще всего они уже не возвращались. Мне было страшно подумать, что с ними происходило в зимнее время, поэтому я и не стремилась к близкому общению: не хотелось терять того, к кому привыкаешь. А здесь подобное было суровой реальностью.

Сон сморил меня через четверть часа бесполезных размышлений. Я здесь и даже бежать мне некуда, да и не на что. Были бы деньги, можно было бы попробовать. А так – это всего лишь мечты. Я не знала ни окружающих территорий, ни куда, собственно, держать путь. В какой стороне замок

моего деда мне тоже было неизвестно. Впрочем, можно было бы спросить у людей, как говорится, язык куда хочешь доведёт. Но всё снова упирается в деньги и в банальный страх попасться в лапы разбойников. А что они могут сделать с беззащитной одинокой девочкой, разгуливающей по лесу в одиночестве? То-то и оно, что ничего приятного. Сгинуть где-то в овраге – так себе мечта. А я хотела иного – найти путь назад, в родной мир, домой. И благодаря этой цели я держалась, не позволяя себе расклеиться окончательно и впасть в депрессию.

Очередное утро следующего дня не предвещало мне никаких сюрпризов: ранний подъём, умывание в холодной воде, и степенное шествие в строю с другими воспитанницами в сторону столовой. Еду уже разложили по глубоким мискам и мы встали каждая у своего стула, замерев в ожидании матери-настоятельницы. Только после того, как главная монахиня займёт своё место во главе стола, мы могли присесть.

Только в этот раз матушка что-то задерживалась и девушки, позабыв о том, что нужно смиренно молчать, стали негромко перешёптываться.

– Джейн, как думаешь, что с матушкой-настоятельницей? – рядом со мной замерла Анника, рыжеволосая девчушка с россыпью забавных веснушек на бледном лице.

– Не знаю, Анни, – ответила я также негромко, – но, думаю, нам всё же позволят позавтракать без неё. Уж больно кушать хочется, – призналась я, потерев ноющий желудок.

– Да, – девочка с тоской поглядела на исходящую ароматным паром кашу и на ещё теплый хлеб. – Остынет ведь, но, я уверена, даже холодной каша будет очень вкусной!

– Воспитанницы, – в столовую вошла первая помощница Мари Веги, – садитесь, сегодня молитву предтрапезную молитву зачитаю я.

С облегчённым выдохом девушки потянули стулья из-за стола и по зале разнесся неприятный скрежет ножек по каменному полу. Стоило нам занять каждый своё место и смиренно сложить руки на груди, при этом не забыв низко склонить головы, прижав подбородки к груди, как матушка Клодет начала утреннюю молитву.

Кстати утренней службы в часовне здесь не было: мы умывались и сразу же шли завтракать. Зато приходилось вечером, сразу же после работ на полях, отстоять час на коленях, слушая речи священника-мужчины. Он очень профессионально промывал мозги всем живущим в женском монастыре, а я пропускала всё мимо ушей, поскольку мне было о чём подумать, кроме как о смирении, послушании, об ограничениях своих желаний, о власти духа над телом и так далее.

Мне больше нравилось трудиться в саду среди пышно растущих яблонь, груш и слив. Их тень спасала от палящего знойного солнца, и иногда удавалось сорвать спелый плод и припрятать его в многочисленных складках формы для воспитанниц. Но сегодня меня определили на прополку грядок.

Натянув на голову широкополую, светлую панамку, сплетённую мною же из соломы, я согнулась в три погибели и вырывала сорняки вокруг хорошо подросшей моркови.

– Джейн! – окликнула меня дородная монахиня, появляясь у калитки, – тебя срочно требует к себе мать-настоятельница! Давай бегом, руки и лицо умой, волосы прибери и иди в её кабинет.

Я от удивления даже на миг замерла с чуть приоткрытым ртом, надо же, за столько месяцев и обо мне вдруг вспомнили? Интересно, что же произошло? В голове возник образ дедушки. За год жизни в замке Патрика ла Асолье я успела к нему привыкнуть, в целом этот грубоватый мужчина мне нравился, импонировала его прямолинейность и даже некая бесшабашность. Но полюбить его я не успела: виделись слишком редко и то за обедом, когда все в основном ели, стремясь набить свои желудки как можно большим количеством еды.

Неужели старый граф очнулся? Или?.. Отогнав негативные мысли прочь, отряхнула руки от земли, и поспешила прочь из огорода.

Глава 3

И вот я снова в кабинете настоятельницы, в этот раз без моей «бабушки», зато с каким-то сухопарым мужчиной средних лет и непримечательной внешности. При моём появлении он встал и галантно поклонился.

– Джейн, милая, – расплылась в змеиной улыбке монахиня, – прошу, поприветствуй мистера Ройса, он прибыл к тебе со срочными вестями.

Я вежливо склонила голову, поскольку хоть он и был старше, но всё же гораздо ниже меня по социальной лестнице. С этими вещами мне здесь пришлось смириться.

– Рада знакомству, – спокойно глядя прямо в его глаза, ответила я.

– Что же, я вас покину, – через несколько минут затянувшегося молчания, разочарованно выдавила из себя матушка Мария и с явной неохотой поднялась из-за стола и направилась к входной двери.

Наконец, она вышла, неплотно при этом притворив за собой дверь, я пожала плечами и, нисколько не смущаясь, присела на стул:

– Прошу вас, – кивнула на соседний, – что вас привело в моё место заточения, – подбирать слова и изъясняться высокопарно не хотелось, я устала, у меня ныла спина и мне просто хотелось побыстрее разобраться со странным посетите-

лем.

– Благодарю, леди Джейн, – едва заметно улыбнулся мужчина и, следуя моему кивку, устроился напротив меня. – Вашему дедушке стало хуже. Он вроде как пошёл на поправку, даже смог произнести несколько фраз, но пару дней назад хворь подкосила его совершенно беспощадно. И неожиданно для всей семьи. Сейчас лорд Патрик очень плох и меня послали за вами, чтобы вы успели проститься с дедушкой.

Я молчала, это известие меня искренне опечалило.

– А матушка-настоятельница?..

– Она вас отпустит, это даже не обсуждается. У меня письмо управляющего делами лорда фон Асолье, мистера Хейли, и там всё ясно прописано и даны инструкции касательно вас. Выезжаем сегодня. Сейчас.

В моей душе колыхнулась радость. А как же иначе? Наконец-то я, пусть и ненадолго, но покину эту сырую, мрачную обитель и отправлюсь в родные земли Джейн, а теперь уже и мои.

– Мне собраться – только подпоясаться, – улыбнулась, и впервые почувствовала буквально на кончике языка долгожданный вкус свободы.

– Замечательно, буду ждать вас у главных ворот монастыря.

Я встала первой, после меня поднялся гонец и, снова галантно мне поклонившись, первым подошёл к двери, чтобы резко её распахнуть. И я даже нисколько не удивилась, обна-

ружив за ней подслушивающую настоятельницу. Женщина даже бровью не повела, с тем же достойным королевы безразличием, холодно заявила:

– Как замечательно, что вы уже завершили беседу. А то у меня накопилось очень много дел, нужно за них приниматься.

– Безусловно, матушка-настоятельница, кабинет в полном вашем распоряжении. Мне только лишь осталось обсудить с вами кое-какие детали, – кивнул мистер Ройс, я же прошмыгнула мимо монахини и рванула прямо по коридору, спеша в свою келью, чтобы собрать немногочисленные вещи. Ведь Луиза, когда молча усадила меня в карету и куда-то повезла, не сказала, что оставит меня в монастыре. У меня с собой была только та одежда, что оказалась в тот момент на мне.

Ворвавшись в свою комнатку, залезла под кровать, где стоял небольшой сундук, несмотря на скромные размеры, он был весьма увесит, поэтому я, кряхтя и напрягая свои невеликие силы, всё же вытянула его наружу. Откинув обитую железными полосами крышку, вынула тугой свёрток со своим платьем и нижним бельём. Развязав импровизированный мешочек, вынула своё тёмно-синее атласное платье, отороченное белоснежным кружевом по вороту и рукавам. Украшение на мой взгляд было простеньким, но тем не менее такое могли себе позволить носить только очень богатые люди.

У ворот я оказалась в рекордно короткие сроки. Меня уже

ждали: возничий и мистер Ройс.

– Леди ла Асолье, карета в полном вашем распоряжении, – вежливо кивнув, объявил Ройс и лично распахнул передо мной дверцу в симпатичный миниатюрный экипаж, в который была впряжена одна вполне резвая лошадь.

Расположившись внутри, дождалась, когда транспорт мягко стронется с места и только оказавшись за пределами монастыря, смогла чуть расслабиться: всё же страх, что меня под каким-то предлогом остановят, бередил душу и заставлял меня нервничать.

Мистер Ройс ехал верхом, ему нельзя было сидеть со мной в замкнутом пространстве, поскольку у меня не было дуэньи и подобная вольность могла негативно сказаться на моей репутации честной леди. Поэтому предлагать ему сесть рядом со мной я даже не стала пытаться: для мужчины это выглядело бы весьма двусмысленно.

Дорого пыльной лентой вилась под колёсами кареты, а я, отодвинув занавеску дышала и не могла насытиться этим неповторимым ароматом свободы. Надежда, что меня не сошлют обратно в монастырь была сильна, как никогда. Если честно, даже если Луиза решит провернуть нечто подобное ещё раз, я найду способ поставить её на место, а также по прибытии в родной замок заранее начну готовиться к побегу.

Одной против семейки мачехи мне не сдюжить, женщина оказалась хитрой и изворотливой, поскольку в доме моего деда со временем поселилась практически вся её многочис-

ленная родня. Они, как стая диких, голодных волков, кружили вокруг богатств старого лорда, надеясь урвать кусок пожирнее. Отвратительные хамоватые люди.

Путь от обители до замка семьи ла Асолье занимал весь световой день, то есть ближе к девяти вечера мы должны будем прибыть на место.

Рессор в карете, естественно, не было, но колея была достаточно накатанной и я не боялась, что вот-вот откушу себя кончик языка или обломаю зубы. Поэтому, укачанная вполне приемлем ходом экипажа, задремала. А проснулась от громкого лая собак и криков людей.

Резко сев на лавке, отодвинула шторку и уставилась на внутренний двор, в который въезжала моя карета. Мы приехали. И нас встречали. Высокий жилистый мужчина и моя служанка: дородная женщина с добрым лицом и ласковыми голубыми глазами.

– Леди Джейн! – воскликнула она, когда я с помощью мистера Ройса вышла из экипажа. В то же мгновение меня схватили в охапку пухлые, но сильные руки мадам Уильямс. – Как же ты исхудала-то на монастырских харчах! Ух! – она погрозила кому-то крепко сжатым кулаком, – эта Луи… мхм, вот бы кто поставил вашу бабушку на место!

– Не нужно, дорогая Милли, – погладила я её по мягкому плечу, – много ушей вокруг, а у тебя семья, их кормить нужно, не давай лишнего повода для увольнения.

– Да-да, милочка вы моя! – закивала она тут же и затрав-

ленно огляделась. – Как прошла дорога? – спросила она у меня, подхватывая под руку и ведя к замершему у подъездной лестницы незнакомцу.

– Вполне терпимо, я даже смогла поспать, – улыбнулась я в ответ.

– Ваша комната готова, всё отмыто до блеска, лично проследила, постельное перестелено, еду тоже скоро принесут, всё горячее и блюда ваши любимые, и ягодный пирог тоже сготовлен, – щебетала она, а мы тем временем подошли к мужчине.

– Леди ла Асолье, – учтиво поклонился он, – рад знакомству. Меня зовут мистер Лео Хейли, я новый поверенный и управляющий делами графа ла Асолье. И я являюсь поверенным вашего дедушки, мы пару раз с вами встречались, правда, вы были тогда слишком малы, чтобы меня запомнить.

– Да, простите, – кивнула, мягко улыбнувшись, – я вас совершенно не помню.

– Ничего страшного, мисс Джейн. Ваш дедушка, лорд ла Асолье приходил ненадолго в сознание, и вызвал меня, впрочем, как и пожелал увидеться с вами. Он иногда просыпается, но сейчас спит. Думаю, будет лучше, если вы завтра с утра навестите его.

– Да, я бы вообще хотела провести с ним весь день и помогать всем, чем смогу.

– Это весьма похвально, юная леди, – едва заметно улыб-

нулся мистер Хейли. – Буду ждать вас в опочивальне лорда Патрика завтра поутру. Хорошего вам вечера.

– И вам, – вздохнула я и направилась вверх по лестнице, любая дорога утомляет, а ещё я была страшно голодной, и даже казалось, что смогу в одиночку съесть целого слона.

Глава 4

Дом. Для меня совсем чужой. Но он мой, я прожила в нём более года, и сейчас, по прошествии нескольких месяцев, частично не узнавала его внутри!

Пока меня не было произошли хоть и не кардинальные, но перемены. Во-первых, всю старую мебель убрали и поставили новую, и теперь в главной зале в глаза бил ярко-розовый цвет, облепивший, казалось, всё видимое пространство: от стен до мягких пуфиков для ног.

Луиза с ума сошла? Превратила огромный особняк в свой личный будуар?

Но такие перемены произошли пока лишь в основной гостиной, всего остального её бурная фантазия ещё не коснулась, предполагаю, только потому что она опасалась дедушки: а вдруг он выздоровеет?

Во-вторых, над камином появился портрет в полный рост, где на фоне особняка позировала молодая жена старого графа, вот только мужа она включить в данную композицию даже и не подумала.

В-третьих, меня встретили только верная нянюшка и новый управляющий. Более никто не вышел поздороваться с прибывшей сироткой. Я даже, если честно, удивилась. Ведь, вполне возможно, именно меня лорд Патрик назначит в наследницы, по идее, как бы отвратительно это ни звучало, на-

род, живущий здесь, должен был бежать и спотыкаться, чтобы попытаться мне угодить и попасть под мою милость. Но я была рада, даже выдохнула с облегчением, когда этого всё же не произошло.

Шагая по коридорам, глядела по сторонам, замечая лишь чем-то занятых горничных, коих стало ну чересчур много. Зачем на один квадратный метр столько обслуживающего персонала?

Моя комната ждала свою хозяйку, вот только стоило мне перешагнуть за порог, как я сразу же поняла, буквально нутром почуяла, что тут кто-то жил после моего отъезда. Прищурившись, осмотрелась и, вопросительно вскинув брови, требовательно поглядела на Милли.

Та нервно одёрнула белоснежный накрахмаленный фартук и, прочистив горло, проговорила:

– Тут жил брат леди Луизы.

– Калеб? – ахнула я, и сразу же поглядела на свою шикарную кровать. Даже представить было страшно, что он мог на ней вытворять с местными служанками, которые, должна заметить, были себе на уме и вполне свободных нравов. Не все, но очень многие.

– Да, мисс Дженни, он. Но вы не беспокойтесь, я велела отмыть всё, постельное лично мной поменяно, – взволнованно, горя щеками, доложила женщина и я, устало выдохнув, подошла к ней и приобняла за пухлые мягкие плечи.

– Милли, не переживай так, просто я возмущена само-

управством и наглостью этой семейки. Вот пригрел же мой дед на груди клубок змей!

Я не имела права обсуждать такие вещи с прислугой, но мадам Уильямс была для меня далеко не кто-то там, а няней, взявшей на себя заботу о Джейн, после трагической гибели её родителей. Её никто об этом не просил, но она сама пожалела и обогрела всеми покинутую тощую девчонку.

– Благо он отсюда свал… хмм, съехал, – быстро поправилась я, стараясь унять бешенство, кипевшее внутри. Только я за порог, а меня уже списали со счетов? Мерзкие, какие гадкие людишки! Ну ничего, мы ещё поборемся. И один в поле воин. Я глубоко в этом убеждена.

– Снедь я сама вам носить буду, – зашептала Милли, приблизив губы к моему уху, – мало ли, тут такое иной раз творится, бедный граф, иногда я даже радуюсь, что он всего этого не видит! Но сейчас дом полон людей старого лорда, и они присмирели, носа из своих опочивален не кажут. Мистер Хейли очень строг, даже леди Луиза опасается с ним лишний раз спорить.

– Откуда этот управляющий взялся? И куда делся Дерек? – задала я давно мучивший меня вопрос и подошла к большому с мой рост, напольному зеркалу. Оно было не самого лучшего качества, но всё равно в этом мире и времени считалось показателем престижа и огромного финансового достатка.

– Мистер Дерек приболел, прислал вместо себя своего

племянника, мистера Хейли. Как только хозяин пришёл в сознание, они о чём-то переговорили, и он стал официально новым помощником лорда Патрика.

– Как тебе мистер Хейли? – уточнила я, потому что могла безоговорочно доверять мнению Милли.

– Как я уже говорила, строг, но справедлив. Благодаря ему прекратились еженедельные пышные балы, но вот переделку главной залы отменить он так и не смог. Луиза нажаловалась вашему дедушке, и тот позволил ей сменить тамошнюю обстановку по своему вкусу.

– Она вертит стариком, как хочет, – под нос прошептала я, но мадам Уильямс меня не услышала, продолжая рассказывать все новости, что накопились за время моего отсутствия.

Тем временем ванную наполнили горячей водой, и я с помощью няни наконец-то смыла с себя усталость и пыль дорог.

Выйдя из ванны, уселась на мягкий стул, обитый светло-бежевым бархатом, и принялась расчёсывать влажные локоны костяным гребнем.

– Давайте я, – спохватилась Милли, выходя из умывальни вслед за мной.

– Мне бы поесть, няня, – посмотрела я на неё, – а с волосами справлюсь сама.

– Ох, бедовая моя голова, запамятовала, что вы совсем голодны, да ещё вона, как отощали! Я мигом, сей момент принесу, и пирог сладкий, ягодный, и мясную наваристую

похлёбку с овощами, душистый хлеб…

Под моим умоляющим взором и заурчавшему желудку, мадам быстро смолкла и опрометью бросилась вон из комнаты.

Вздохнув удовлетворённо, вернулась к своим делам и не очень радужным мыслям.

– Ну как, сиротка, – я настолько глубоко задумалась, что не услышала, как дверь открылась, – понравилось ли тебе жить в монастыре? Вижу, кормили там неважно, ты подурнела пуще прежнего, Джейн.

Резко обернувшись, уставилась на замершего на пороге Калеба Левина. Скрестив руки на широкой груди, молодой мужчина одним плечом картинно прислонился к дверному косяку, и насмешливо на меня посмотрел.

– И вам не хворать, – фыркнула я и спокойно встала. Выпрямилась во весь свой небольшой рост и гордо вскинула подбородок: – Вас никто не учился стучать, прежде чем бесцеремонно врываться в чужую комнату? Из какого зоопарка вы сбежали, мистер Левин? Кажется, это вас следует отправить в монастырь, естественно, мужской, на перевоспитание, где вам преподадут уроки этикета и научат уважать личное пространство другого человека, – я говорила и медленно наступала на офигевшего развратника.

Моё терпение дало приличную трещину, и наружу прорвались накопившиеся за долгое время пребывания в этом мире напряжение и злость. Надоело притворяться.

Округлившиеся глаза мужчины наполнились непониманием ситуации. Он что думал, что я должна была тихой тенью смиренно склонить голову? Или возрадоваться его появлению в моей опочивальне?

– Вы без стука отворили дверь в мои покои, а я ведь юная девушка, непорочная и с безупречной репутацией. Хотите порушить моё будущее? Если нет, шаг назад! – подойдя к нему практически вплотную, рявкнула так, что окна задрожали.

Калеб невольно шарахнулся прочь и оказался за пределами спальни.

– То-то же! – усмехнувшись одним уголком губ, захлопнула дверную створку прямо перед его длинным носом, успев заметить, как вся спесь мигом слетела с его смазливого лица, и вместо высокомерия на нём (лице) проступило выражение полнейшего непонимания произошедшего только что.

– В монастыре Святой Екатерины разве такому возмутительно наглому обращению учат? – раздалось с другой стороны, в голосе братца Луизы звучала вселенская обида и раздражение.

– Проваливай, – одними губами прошептала я, возвращаясь на своё место. Я была уставшей, злой и недовольной. Вся семейка Луизы меня порядком достала, а этот наглец своей бесцеремонностью напрочь вывел меня из себя.

Милли вернулась через четверть часа, с полным подносом еды, и была крайне возбуждена, явно узнала что-то интерес-

ное: все слухи, как говорится, озвучиваются на кухне, я даже догадывалась, о чём там шептались.

– Мисс Джейн, это правда, что вы прищемили нос мистеру Левину? И он у него теперь до безобразия распух?

– Больно он у него длинный, – едва сдерживая смех, кивнула я, – забылся, что комната снова моя, вот и заявился по ошибке. Пришлось показать ему, кто здесь хозяйка.

– Вот и правильно, всё верно вы сделали, моя Дженни, – хохотнула няня, споро расставляя тарелки на столе.

Желудок воодушевлённо сжался, и я пересела за стол, чтобы наконец-то нормально отобедать.

Глава 5

В комнате моего деда, точнее, деда Джейн (но теперь он и мой родственник не так ли?) было сумрачно, пахло какими-то благовониями с примесью одурманивающих сознание трав, это я, как человек немного сведущий в ботанике, говорю. Плотно задёрнутые портьеры не пропускали утренний свет, а чадящая лампадка лишь усугубляла бледный цвет лица человека, лежащего на широкой кровати.

Присев подле на стул, поёрзала немного, поняла, что так дело не пойдёт и, быстро встав, подхватила стул за резную спинку, чтобы подтащить его поближе к ложу лорда ла Асолье.

– Кто здесь? – просипел мужчина, с трудом разомкнув набухшие морщинистые веки.

– Дедушка, – отчего-то в горле встал горький ком, – это я, Дженни, – прошептала я, сглатывая непрошеные слёзы и стараясь улыбнуться.

– Моя Дженни? – глаза распахнулись шире и на меня посмотрели затуманенные болью голубые очи, почти такие же, как и у меня, только на полтона светлее. – Дорогая, – и ко мне потянулась сухая рука, изрезанная синими венами, но не дотянулась – безвольно упала на шёлковое покрывало.

Я сама подсела на краешек кровати и сжала его пальцы в своих. Холодные. Я уже видела, как умирают люди, думаю,

к такому зрелищу привыкнуть просто невозможно.

– Деда, я тут, с вами рядом и никуда не уйду.

– Почему тебя… так долго… не было?.. – делая паузы между словами, он всё же договорил вопрос до конца.

– Я простудилась и уехала на горячие источники, – вздохнула печально, не хотелось его расстраивать, зачем старому лорду все мои переживания? Сама справлюсь, не впервой, – и чтобы вас не тревожить, не стала что-либо говорить.

– Береги себя, милая моя, – прошептал он, кажется, даже не дослушав меня до конца. – Я там тебе подарок подготовил, – через пять минут, когда я уже было подумала, что он снова уснул, мужчина вновь открыл глаза и повёл ими в сторону, указывая на прикроватную тумбу.

Я проследила за его взглядом и заметила кошель из алого бархата, лежащего в центре столешницы.

– Посмотри, – с усилием выдохнул дедушка и я, не став тянуть время, взяла в руки мешочек и спокойно развязала кожаные тесёмки на горловине. В тусклом свете лампадок сверкнули драгоценные камни: россыпь бриллиантов, вокруг пяти крупных кабошонов из кристально чистых тёмно-синих сапфиров, – Это принадлежало… твоей матери… у тебя её глаза, – также прерывисто дыша, начал свой рассказ лорд ла Асолье. – Ты… прости, что времени тебе уделял не так много… поскольку винил свою усопшую жену, потом уже твою мать, что у меня так и не народилось наследника мужского пола. Но лишь сейчас, на самом краю… осознал…

что не пол важен, а человек… И вижу, какая ты стала… просто замечательная. Оставить тебя одну в этом мире без защиты, где каждый друг другу волк… тоже не могу. Луиза позаботится о твоём благополучии, более положиться мне не на кого, – он говорил всё тише, а в моей душе поднималась буря негодования. Меня натуральным образом затрясло!

– Дедушка! Я сказала неправду! Не на источниках я была, Луиза сослала меня в монастырь на перевоспитание! – негромко, но твёрдо высказалась я, решив, что опека такой родственницы мне совершенно не нужна. – Ты не представляешь, какие там условия… их просто нет!..

Вот только ответа не последовало: лорд Патрик ла Асолье уснул, я сначала испугалась, что испустил дух, но, внимательно прислушавшись, поняла, что она едва-едва, но дышит. Проглотив окончание своей речи, так и недоговорив всё то, чем вдруг захотела поделиться, устало опустила плечи, сгорбившись от осознания грядущих перемен. Ладно, дедушка ведь ещё придёт в себя? Да, должен! И тогда я успею убедить его не назначать моим опекуном дражайшую Луизу.

Но старый лорд больше так и не пришёл в себя… а через несколько дней тихо скончался во сне. На похороны съехались все соседи, родственники, как близкие, так и дальние – они тоже надеялись урвать хоть что-то от богатств графа ла Асолье.

Когда все церемонии были завершены, мистер Хейли собрал только самых близких в кабинете старого графа, где

стояло несколько стульев и пара небольших, но удобных диванчиков, предложил нам удобно разместиться и, стоило людям занять места, громко заговорил:

– Графа ла Асолье больше нет с нами, и это огромная утрата для всех, кто когда-либо был с ним знаком. Замечательный человек, преданный друг и соратник. Его слово было крепко и нерушимо. И сегодня, как поверенный лорда Патрика, мне предоставлена честь огласить его последнюю волю: я зачитаю составленное им завещание. Оно подписано королём и не подлежит оспариванию.

После его слов по помещению разнеслись удивлённые шепотки: никто не ожидал, что старик успеет посетить короля и согласовать с ним своё решение. Видать, съездил в столицу, когда был ещё более-менее здоров.

– Всё, что ранее принадлежало лорду Асолье, отныне переходит в полное владение леди Джейн ла Асолье, его родной внучке.

– Что-о?! – это завизжала Луиза, её лицо безобразно перекосилось и пошло ярко-алыми пятнами – от аристократической утончённости не осталось и следа, сейчас перед нами сидела разгневанная, выведенная из себя, фурия. – Ей? Да как он посмел? – опомнившись, всё же добавила: – Я ведь так его любила! Отдала свою молодость и радость быть со мной!

– Есть оговорки, леди Луиза, – речь "бабушки" нисколько не повлияла на невозмутимость поверенного, – до девятнадцатилетия мисс Джейн, вы являетесь её официальным опе-

куном. На содержание дома, и всех земель я лично буду выделять вам средства, так же как и на новые наряды и выезды в столицу. Ваша жизнь нисколько не изменится. После того как леди Джейн вступит в свои права, вам будет положено ежемесячное содержание и поместье на берегу Аллойского моря. Вы до конца жизни ни в чём не будете нуждаться. Но если выйдете замуж, то должны будете покинуть поместье и вас станет обеспечивать новый супруг.

Тишина стояла звенящая: народ был в шоке, впрочем, как и я.

А дальше поверенный озвучил не совсем приятные вещи уже для меня: в случае моей безвременной кончины до наступления девятнадцати лет, хозяйкой всего имущества автоматически станет леди Луиза. Её назначат наследной графиней, и всё её будущее потомство станет носить древнюю фамилию ла Асолье. А уж если что-то случится с самой «бабушкой», и она не успеет родить наследника, все земли, замки и дома отойдут в казну Его Величества.

По вытянувшимся лицам родни Луизы я поняла, что они как минимум рассчитывали на иной расклад.

А у меня волосы зашевелились на затылке, когда я почувствовала на себе странный, задумчивый взгляд Луизы. До вступления в свои права мне осталось всего ничего и до этого времени нужно придумать, как выжить в окружающем меня сейчас гадюшнике. И уж точно теперь стены монастыря не станут для меня надёжной защитой. Необходимо всё как

следует обдумать.

Глава 6

Меня потряхивало.

Из кабинета дедушки, где нас всех собрал мистер Хейли, я буквально вылетела и после понеслась по коридорам особняка на внушительной скорости, а уж когда добралась до своего крыла, то буквально вползла в комнату и плюхнулась на мягкую кушетку, вмиг обессилев. Тупо вытаращилась на противоположную стену и замерла истуканом.

Наверное, это была самая большая подстава после моего попадания в этот мир. Кроме самого попадания, конечно.

Это же надо, насколько Луиза втёрлась в доверие графа! Буквально проникла в его кровь и стала неотъемлемой частью Патрика. Он ослеп от её красоты и сладких речей.

В голове стали проноситься обрывки воспоминаний. В тот период я мало на чём сосредотачивала внимание, меня больше беспокоила беспросветная депрессия и желание вернуться домой. А вот сейчас… Дед ведь был полон сил, очень энергичен, с кучей увлечений, а также он каждый день спарринговался на мечах со своими воинами.

Лорду ла Асолье от силы было шестьдесят лет; да, он выглядел старше людей того же возраста в моём мире, но так и жизнь у него кардинально отличалась и питание не было столь рафинированным, и пережил он пару мелких войн. Тут хочешь не хочешь, поседеешь раньше срока и покроешься

морщинами, как печёное яблоко.

И вот он умер. Слишком быстро, слишком внезапно!

Не верю, что человек за полтора года мог столь внезапно сгореть! Хотя, возможно, какая-то внутренняя болезнь незаметно точила? Бывает же, вот он молодой, здоровый и раз – инфаркт!

Но ещё я допускала мысль, что родственнички "бабушки", а может и сама Луиза, подтравливали лорда, чтобы поскорее от него избавиться. И заполучить контроль над его богатствами.

Я подозрительно прищурилась, но у меня не было никаких доказательств, совсем. Поэтому данный вопрос пока останется без ответа.

Итак, на момент попадания в новый мир Джейн было семнадцать лет, после прошло чуть более полутора лет, включая моё заточение в монастыре. Мне осталось всего пять месяцев, и я стану хозяйкой всего того, что по праву рождения принадлежит Джейн, то есть мне. И сразу же избавлюсь от всех тех, кого поселила в моём доме Луиза. И от неё в первую очередь.

А пока мне нет девятнадцати, основные средства графа будут заморожены.

В дверь тихо постучали и по дробному стуку с перерывами, я поняла, что это моя Милли.

– Войдите! – громко сказала я, так как сил подняться просто не было – меня вымотали похороны и последние ново-

сти, связанные с завещанием и его условиями.

– Мисс Дженни! – в комнату влетела няня, щёки её раскраснелись и она была весьма чем-то возбуждена, – представляете, ваш дедушка, – защебетала она, плотно прикрывая дверную створку, – упомянул и нас, служивших ему верой и правдой старых слуг, в своём завещании, и распорядился выдать каждому из нас по золотой полновесной монете!

Я не сдержалась и искренне улыбнулась женщине: это действительно были очень большие деньги, на них можно было вполне комфортно прожить в течение полугода, или приобрести хорошую стельную корову, после покупки которой ещё остались бы средства на что-то ещё.

– Няня, я за вас очень рада, теперь вы сможете помочь своей дочери. И уехать в родную деревню.

– Моя мисс Дженни, простите меня, старую, я тут к вам со своей ерундой лезу, а вы, вон, явно не в настроении, – уловив в моём голосе что-то, Милли вдруг посерьёзнела и, присев рядом со мной, взяла меня за руки: – Поведайте, что там такого вам сказали? Лицо у вас больно бледное и странное выражение глаз, печальные они… Всё досталось леди Луизе? Верно? – она накрыла своими мягкими, тёплыми пухлыми ладошками мои ледяные, сцепленные в тугой замок, пальцы.

Вторую часть завещания зачитывали для слуг отдельно, поэтому Милли не знала, как именно мой дедушка распорядился своими богатствами. Я кратко рассказала ей суть

и женщина потрясённо оцепенела, даже рот приоткрыла от шока.

– Всевышний! – отмерла няня и заглянула в мои глаза, – тебе бежать надо, девочка моя. Они ж убьют тебя. Как бы ты ни оберегалась, достанут ведь. Тем более что мистер Хейли уедет в столицу по каким-то делам, вернётся нескоро.

Я знала об этом, поэтому её слова не стали для меня неожиданностью.

– Не думаю, что его присутствие станет каким-то непреодолимым препятствием в стремлении от меня избавиться, нужно смотреть правде в глаза, они и поверенного прикопают где-нибудь, если он вдруг станет им мешать, – я говорила всё тише и тише, почти физически чувствуя, что за моей дверью кто-то стоит. Жуткое ощущение. Я просто с ума сойду от подобных мыслей, сродни мании преследования, если останусь в родовом гнезде ла Асолье. – Пока гости здесь, – продолжила горячечно шептать я, устало потерев ноющие от напряжения виски, – нужно испариться в этой разномастной толпе.

– Что от меня требуется? – Милли склонила ко мне седую голову в накрахмаленном чепце. Со стороны мы, наверное, выглядели, как самые настоящие заговорщицы.

– Одежда мальчишки-слуги, можно конюха, и обязательно соломенная шляпа с короткими полями, – начала перечислять я, стараясь не упустить ни единой детали. – Сегодня вечером принесёшь мне с ужином.

– Хорошо, дорогая моя Дженни, всё сделаю. И еду вам в корзинку уложу.

– Нет, еда не нужна, – отказалась я, – а вот столовое серебро просто необходимо выкрасть. Сможешь?

– Разве что только ночью, – покачала головой мадам Уильям, ни на миг не усомнившись в правильности подобных действий: она полагала, что я хозяйка и всё, что есть в доме, по закону принадлежит мне.

– Нет, серебро я заберу сама, – вдруг передумала я, испугавшись за свою верную няню, – ты сделай ровно то, что я сказала, не более. Не рискуй сверх меры, поняла?

– Да-да, милая моя девочка! Ой, что же будет-то? Как вы там одна, в большом мире? Может, я с вами?..

– Нет, ни в коем случае, – перебила её я и мягче добавила: – за меня не волнуйся, я непременно выживу. А ты тоже уходи отсюда. Все знают, как ты ко мне относишься, не дай Всевышний, кто-то захочет выместить на тебе свою злость, когда обнаружат мою пропажу.

Женщина тихо покинула комнату. Я встала, налила в стакан воды и хотела было махом выпить, но притормозила. А вдруг уже что-то подсыпали? Мало ли? Бокал отправился назад на стол, а я подошла к кровати и устало вытянулась на мягкой перине.

Спрятаться так, чтобы не нашли, а ещё предупредить мистера Хейли, что я временно отбыла в неизвестном направлении. Сказать это нужно ему лично. Глаза в глаза. То есть

прямо сейчас.

Вскочив с постели, пригладила волосы и, подойдя на цыпочках к двери, резко её открыла. Никого. Выдохнув с облегчением, вышла в коридор, закрыла дверь на ключ и быстрым шагом направилась в другое крыло, туда, где сейчас должен был находиться управляющий делами семьи ла Асолье.

– Дорогая наша мисс Джейн, – елейным голосом ко мне обратился Калеб, стоило мне спуститься в главную залу особняка, – куда это мы так спешим?

Всё семейство Луизы и несколько гостей расположилось у камина, чуть в стороне у окна, двое мужчин играли в настольную игру, очень похожую на земные шашки. По голосу братца Луизы сразу же поняла, кабы не посторонние, его тон был бы совсем другим.

Кроме Калеба, тут были мать Луизы, её отчим и дядя. Сестра моей "бабушки" отсутствовала, видать, находилась подле "безутешной" вдовы.

– Дела, мистер Левин, я весьма спешу, – проходя мимо него, злорадно шепнула, ну не удержалась! – Наслаждайтесь моим гостеприимством, поскольку очень скоро вы отправитесь туда, откуда вылезли!

Красивые глаза зло сощурились, и в них я ясно прочитала свой приговор.

Но о сказанном нисколько не сожалела. Внутренне почувствовала невероятное удовлетворение. Легкомысленный поступок.

Добравшись до дверей мистера Хейли, хотела было постучать, но услышала приглушённые голоса, и один из них был весьма возмущён. Любопытство моё никуда не делось и я, чтобы хоть что-то услышать, присела и прижалась ухом к замочной скважине.

– Как старику удалось посетить короля, а мы узнали об этом только сегодня? – голос Луизы дрожал от ненависти, – я ведь всё сделала, чтобы он назначил наследницей меня, и только меня одну! Почему ты не повлиял на Патрика, когда была возможность? Если бы я знала заранее, то девчонку убрали бы ещё в монастыре! Почему ты не смог выведать условия нового завещания? Я ведь ради тебя приказала устранить Дерека!

– Милая, – голос Лео стал тише и в нём появились совсем иные нотки – соблазнителя, – как бы там ни было, всё равно ты победила. Джейн осталось совсем немного пробыть рядом с нами, потерпи чуток. Ты будущая графиня ла Асолье. Мы поженимся, всё, как и планировали, и наши дети станут наследниками…

Я недослушала их разговор, поскольку краем уха услышала чьи-то шаги и, резко выпрямившись, промчалась дальше по коридору, забежав в нишу, где одиноко стояла высокая ваза.

Ну и дела! Тут, оказывается, всё было схвачено, как давно они всё это придумали – неизвестно, и теперь мне не к кому обратиться. Нужно бежать, завтра же с утра отправляться в

путь.

Глава 7

Я металась по своей комнате, как мышь в клетке. Я и чувствовала себя мелкой, никому не нужной и беззащитной.

Ждать утра уже не было никакого желания, необходимо делать ноги немедленно. Вот только дождусь няню – она должна принести мне подходящую одежду.

Судорожно сжав руки в кулаки, медленно выдохнула, стараясь успокоиться и привести мысли в более-менее спокойное состояние. Впадать в панику – заведомо проиграть. В этом логове, полном ядовитых гадов, мне не выжить. Даже если я буду ходить по дому в доспехах и с рыцарским мечом наперевес. Моё тщедушное телосложение не позволит мне находиться в таком напряжённом состоянии слишком долго, и в итоге я сдамся. При этом мужчины явно сильнее меня, вчерашнего подростка. Силы далеко не равны. Получается, нужно перехитрить их всех!

– Первое, мои документы! – и рванула к шкафу, зарывшись в него с головой. Свои бумаги, подтверждающие мою личность, я прятала в тайнике. Как знала, что не стоит их оставлять в доступном месте.

В этом мире была простая система регистрации новорождённых. Выдавался документ с королевской подписью и печатью, на серой не самого хорошего качества бумаге святой отец вписывал имя и дату рождения, снизу шла цветная лен-

та, в моём случае – алая, так как я была аристократкой, она пришивалась серебряными нитями. И также для аристо полагался вкладыш с номером, его выдавали в главной церкви столицы.

Луиза наверняка попробует подделать мои документы, вот только номер достать ей влетит в весьма большую сумму, а зная её жадность, не думаю, что дамочка станет заморачиваться. Ей проще пойти по другому пути: найти похожую на меня девочку, прикончить бедняжку, инсценировав мою смерть, и похоронить "малютку Джейн" со всеми почестями. Но пусть. Для меня сейчас главное – выжить. С остальным я разберусь потом.

Достав конверт, положила его на покрывало, затем собрала необходимое: нижнее бельё – панталончики, сорочки, чулки, и одно неприметное платье, самое простое в моём гардеробе. Постояла с минуту в раздумьях и рванула к тумбе, в верхнем ящике которой хранились предметы для рукоделия.

Мне нужно оружие – ножницы вполне подойдут, а ещё канцелярский острый ножик, его я завернула в тряпицу и тоже убрала на кровать.

Достала кожаный саквояж и начала его заполнять.

Через некоторое время принесли еду. И служанка, замершая на пороге, была далеко не моя Милли.

– А где мадам Уильямс? – тревога сковала горло.

– Не ведаю, леди Джейн, – присела девушка в неуклюжем

книксене. – Я её сегодня видела только один раз, и это было давно.

Кивнув, забрала у служанки поднос.

Оставшись одна, с сомнением посмотрела на свой полдник: скорее всего, снедь отравлена. Желудок протестующе заурчал – есть хотелось, аж до боли. В итоге из принесённого выбрала только приборы: вилку, нож и небольшую, аккуратную круглую ложку. Все они были сделаны из чистого серебра. Не посмели принести мне из железа. Пока соблюдают приличия.

Качнула головой, отгоняя суматошные мысли, и, прижимая к себе свой единственный капитал, если не считать мелочь в ридикюле, отвернулась от аппетитно пахнущих блюд, и подошла к кровати. Вынув из-под неё сумку, уложила приборы внутрь, завернув их в чистое полотенце. После чего замерла в глубокой задумчивости.

Где моя няня? Она бы ни за что не допустила к моей еде постороннего человека. Тревога с ещё большей настойчивостью сжала и без того судорожно бьющееся сердце.

А вообще, почему я сижу тут, показывая свой страх?

Не пора ли продемонстрировать им всем, кто здесь хозяйка? Пусть думают, что девчонка крайне обнаглела. Ведь, по сути, совсем немного осталось, и я стану полновластной хозяйкой всех богатств рода ла Асолье.

Набравшись решимости и спрятав в кармане платья канцелярский нож, глубоко вдохнула и медленно выдохнула, по-

сле чего отправилась на выход. Нужно сыграть всё по нотам, пусть думают, что я *уже* почувствовала себя графиней, а все они лишь гости в моём доме. Заодно спрошу у кого-нибудь из слуг, не видели ли они мадам Уильямс.

Спустившись на первый этаж, снова встретилась с той же группой, правда, уже значительно поредевшей: интересно, куда подевалось семейство Левинов? Строят в узком кругу планы по моему скорейшему умерщвлению? Или обсуждают, куда потратят деньги старого графа?

Вежливо кивнув гостям, игравшим в настольную игру, свернула налево и поспешила в сторону кухни. Эта часть дома была весьма оживлённой: слуги мельтешили туда-сюда, вынося полные подносы и занося пустые, слышались громкие разговоры и даже изредка смех. Не особо-то простой люд опечален кончиной лорда Патрика.

При виде меня встречный народ смолкал и провожал любопытными взорами.

– Доброго дня, Энтони, вы, случайно, не видели мадам Уильямс? – обратилась я к лакею, шедшему мне навстречу, давно верой и правдой служивший семье ла Асолье.

– Леди Джейн, – поклонился он, – насколько знаю, мадам Уильямс отправилась в соседнюю деревню по-вашему же поручению.

– О-о, да? – округлила глаза я, быстро нарисовав на лице недоумение и тут же, словно что-то вспомнила, устало вздохнула: – ах да, точно! За всеми событиями свои же приказы

забываю. Благодарю, Тони.

– Рад служить, маленькая леди, – улыбнулся он и снова низко поклонился, – если вам вдруг что-то понадобится, вы всегда можете меня позвать.

Я благодарно ему улыбнулась:

– Буду иметь в виду, Тони, благодарю, – и отпустила его кивком головы.

Получается, няня всё ещё ищет подходящую одежду для моего маскарада. И за неё нет причин волноваться, к ночи она точно должна вернуться.

Стоило мне войти в святая святых любого дома, так все работники замерли испуганными сурикатами, вытаращив глаза на сиротку Джейн и по совместительству их хозяйку.

– Леди Джейн? – первой отмерла дородная главная повариха, грузно встав с жалобно скрипнувшего стула – мадам пила чай и закусывала румяными, пышными булочками, видать, только-только из печи.

– Ой, простите, служанка забыла что-то положить на ваш поднос? – вспомнив правила общения с аристократами, поклонилась она. Ей вторили и все остальные.

Я насмешливо вскинула правую бровь и, ничего не сказав в ответ, прошла в центр залы, с интересом осматриваясь. Эта тётка мне совершенно не нравилась, возможно, ещё и потому, что её наняла Луиза: предыдущий повар не устраивал капризную "бабулю" и она достаточно быстро сменила неугодного работника на вот эту мадам Помпье.

– Корзину мне, – я требовательно вытянула руку, и мне практически мигом в неё вложили озвученный предмет. И, нисколько не заботясь о том, что подумают все эти люди, пошла вдоль ровно стоящих столов, набирая приглянувшиеся продукты.

– Леди Джейн, – пару минут спустя, опомнилась главная повариха, – я же вам лично в комнату собрала поднос. Там всё вкусное, свежее, вот этими руками, – она вытянула вперёд свои грабли, демонстрируя их мне, – сготовлено. Никого не допускала к вашей еде, всё сама.

– Да-да, ваши блюда вне конкуренции, – мой голос был полон ехидства, а произнесённая фраза имела двоякое значение. – Но мне вдруг захотелось чего-то совсем иного.

Подойдя к широкому столу, на котором стояли большие противни с ещё горячими пирогами, деловито поинтересовалась:

– С чем они?

Кто-то сбоку пискнул:

– Вот эти с яйцом и зелёным луком, а вон те с мясом и капустой.

– Благодарю, – кивнула я, взяла и тот и другой. – Подать мне кувшин медового взвара! – приказала тоном, не терпящим возражений. Мне тут же из большого чана налили горячий напиток. – Всего доброго! – хмыкнула напоследок и направилась на выход, ступая с царственной грацией, с высоко вскинутой головой, при этом стараясь не согнуться под

тяжестью набранной снеди. Это я, видать, от жадности перестаралась. Боялась ли я, что Помпье побежит к Луизе? Нет. На то и был расчёт. Пусть как следует нажалуется своей хозяйке, желательно в красках.

В комнате я первым делом села за стол, чтобы как следует поесть. Какое же это наслаждение, когда еда горячая, только из печи и точно никем не отравленная.

Дверь в мою комнату распахнулась через четверть часа. Луиза собственной персоной воздвиглась на пороге. Я тихо фыркнула: что-то леди не спешила, я ждала её раньше.

– Войдите! – по-барски громко сказала я, не обращая внимания на то, что дама, как бы уже вошла. Без всякого стука. – Невежливо не стучаться, – заметила, с удовольствием откусывая кусочек от румяной булочки с повидлом.

– Как ты смеешь распоряжаться на моей кухне? – прошипела мегера, останавливаясь в центре комнаты.

– Вообще-то, это и мой дом тоже, – оборвала я её, не дав договорить, – кстати, а ваше поместье, если память мне не изменяет, располагается где-то на берегу Аллойского моря.

– Да как ты смеешь, хамка! Я твоя опекунша! Ты обязана подчиняться мне! Всё, ты меня сама вынудила поступить так, и никак иначе! Как только гости уедут, я отправлю тебя в монастырь! – шипела она, как самая настоящая озлобленная кобра.

– Ядом не подавитесь, леди, – моя душа требовала крутых разборок, но пока весовые категории неравны и я сдержива-

лась из последних сил. – В монастыре я пробуду недолго и вернусь очень скоро, чтобы забрать то, что по праву рождения принадлежит мне.

Луиза аж посинела от охватившей её злости, она несколько секунд открывала и закрывала рот, не зная, что ответить, в итоге выдала:

– Воротишься ты оттуда или нет – большой вопрос, – и, резко развернувшись, да так, что юбки закрутились вокруг её стройных, длинных ног, пулей вылетела из моей опочивальни.

Вот оно, значит как, хмм… меня хотят прикончить в монастыре…

Ха, обломятся!

Время тянулось бесконечно долго. На душе было тревожно и как-то муторно. И, чтобы не маяться от безделья, я решила прилечь и в итоге уснула. Тихий стук в дверь мгновенно вырвал меня из беспокойной полудрёмы. Резко сев в кровати, глянула в распахнутое окно: последние солнечные лучи едва-едва окрасили небо в жуткие алые тона.

Быстро подойдя к двери, негромко спросила:

– Кто?

– Леди Джейн, это я, Энтони. У меня срочная для вас новость.

Я быстро откинула засов и впустила мужчину внутрь.

– Говори, не томи, – нахмурилась я, когда заметила нерешительность лакея.

– Леди Джейн, Милли сбила карета, её доставили в дом старосты деревни, там она и скончалась, не дождавшись лекаря…

Он говорил что-то ещё, а у меня перед глазами потемнело и стало трудно дышать. Я еле сдержалась, чтобы не закричать от боли, обрушившейся на меня с неумолимостью и беспощадностью снежной лавины.

– Мадам Уильямс перед смертью очень просила передать вам вот это, – он положил на стол какой-то холщовый мешок. – Завтра её похоронят на местном кладбище для простолюдинов.

И вопросительно на меня посмотрел.

Я на автомате кивнула, подошла к столу и взяла свой ридикюль. Вынула остатки монет, одна серебрушка и несколько медных и отдала их все мужчине.

– Пусть сделают всё, как положено, – прохрипела, сама не узнавая свой голос. Лакей бросил на меня полный беспокойства взгляд, и я поспешила его уверить: – со мной всё в порядке, можете идти.

Закрыв за Тони дверь, сползла по ней на пол и тихо разрыдалась. Нянюшка, ну как же так?! Холод сковал члены, я не могла двигаться и с трудом проталкивала в себя воздух. Единственный человек в этом мире, к котрому я по-настоящему привязалась. Именно Милли обогрела меня и никогда ни о чём не спрашивала и не просила. Она только отдавала, щедро, без оглядки.

А как же её дочка? Ведь у них были такие большие планы на жизнь.

Ох, как же тошно…

Было ли это случайностью? Или подстроено? Я непременно узнаю правду!

Выплакав всё до капли, очнулась, когда небо усеяли мириады ярких звёзд.

Пора собираться и покинуть отчий дом, отправившись в неизвестность.

Глава 8

В мешке из простой мешковины оказались вещи. Старые, но чистые штаны, рубаха и жилетка, вязаная шапка, которая прекрасно скроет мои волосы. Милли даже где-то отыскала для меня ремень. Моя милая няня, при мысли о погибшей женщине, опять засвербело в носу, но я проглотила слёзы, не давая себе снова размякнуть и потерять драгоценное время.

На дне лежали поношенные кожаные полусапожки. И уже, когда я вынула все эти предметы наружу и хотела было запихнуть мешок куда подальше, заметила странный блеск. Просунув руку, вытащила монету. Золотую. Ту самую, что завещал мой дед преданной мадам Уильямс.

Ох, моя Милли! Она отдала мне свои деньги, чтобы помочь. Но я непременно всё с лихвой верну её дочери.

– Няня, будь уверена, – прошептала я, сжимая золотой кругляш в ладони так, что костяшки пальцев побелели, – Анни не будет ни в чём нуждаться, так же как и её дети. Обещаю! За всё то добро, что ты для меня совершила!

Переодевание не заняло у меня много времени, а уж подкрасить брови золотой из камина, чтобы они стали шире и грубее – так и вовсе пара секунд. Глянув в маленькое зеркальце, удовлетворённо кивнула и завернула своё ещё одно сокровище в тряпицу, чтобы не разбилось.

Подхватив саквояж, сделала пару шагов и замерла в за-

думчивости: сумка оттягивала руку, причиняя неудобства.

– Так дело не пойдёт, – собственный голос успокаивал и я, вернувшись к столу, зажгла лампадку, чтобы в её свете пришить лямки к саквояжу. Будет у меня странный рюкзак. На шитьё потратила ещё полчаса! Злясь на свою непредусмотрительность, завязала крепкий узел, ещё раз оглядела мрачную комнату: не забыла ли чего?

Глаза скользнули по полупустой корзине с едой. Нужно взять оставшиеся пироги. Места в сумке почти не осталось, но ничего, и не такое упаковывала. В моей сумочке на Земле можно было найти всё на свете. Разве сейчас я не справлюсь? Безусловно, справлюсь! Жить захочешь, не так раскорячишься!

Идти через весь дом, чтобы меня кто-нибудь поймал?

Ха! Не на ту напали!

Подойдя к плотно закрытому окну, повозилась немного со щеколдой и в итоге распахнула его настежь. Прохладный ночной ветерок коснулся моего разгорячённого лица, внушая надежду на благоприятный исход задуманного.

Постояв так немного, встряхнулась, ощущая тяжесть сумки за спиной, и полезла наружу. Я жила на втором этаже особняка и рядом с моим окном росло роскошное ветвистое дерево, обладая определённо сноровкой и, конечно же, смелостью, можно было по крепкой ветке переползти к широкому стволу, а там уже не так страшно.

Набравшись смелости, забралась на узкий подоконник и,

помолясь, правой рукой потянулась к ветке, которая сейчас уже не казалась мне такой крепкой, как несколько часов назад. Другой ладонью держалась за оконную раму, дыба подстраховать саму себя же.

Ещё чуть-чуть! На лбу проступила обильная испарина… пальцы почти коснулась желаемой цели, когда я почувствовала, что нужно отпустить раму, иначе просто не дотянусь до ветки.

Нет, так не пойдёт!

Выровнявшись, отдышалась, отёрла пот со лба, поправила шапку, и, поставив ноги на раму, на ширине плеч, на счёт три прыгнула вперёд!

Наверное, за это короткое мгновение вся жизнь промелькнула у меня перед глазами, но я это сделала: повисла на ветке, как маленькая тощая груша. Земное притяжение оказалось весьма сильным, а ещё эта котомка за плечами, но я, со всей силы сцепив зубы, перекинула на ветку сначала одну ногу, затем вторую и, не давая себе и секунды для передышки, поползла вперёд, благо ствол был близко, а там, с ветки на ветку, не спеша, начала спуск к родной, такой прекрасной земле.

Стоило ногами коснуться мягкой почвы, сползла по шероховатой коре вниз и прикрыла веки.

– Неужели я это сделала? – сухими губами беззвучно прошептала я. Как только голова перестала кружиться и натянутые как струна нервы, чуть ослабли, встала, поправила "лям-

ки" и, двигаясь строго между шикарных кустов, торопливо зашагала вперёд, не забывая смотреть по сторонам и прислушиваться к окружающим звукам.

Запасной выход, называемый здесь – калитка для слуг, располагался в дальней части сада и на ночь запиралась на тяжёлый замок. Особняк хорошо охранялся, и часовые вышагивали вдоль высокого каменного забора каждые тридцать минут, делая круг по всему периметру ограждения.

Мне нельзя было попасться воякам на глаза, иначе меня мигом вернут домой и сдадут дражайшей "бабушке". И тогда, я убеждена, меня будут стеречь, как дракон своё золото и сбежать уже не получится. Это мой единственный шанс. Они думают, что малютка Дженни трусишка, что у неё не хватит духа отправиться из отчего дома в мир, полный опасностей.

Спрятавшись за густым, выше меня ростом, кустом, замерла. Нужно дождаться караульных, и только потом идти к забору.

Ждать часовых пришлось долго: как бы не все полчаса. Тело затекло, плечи онемели, хотелось пошевелиться, чтобы разогнать по жилам кровь, и я уже собралась было скинуть поклажу на землю и присесть, как услышала отдалённые голоса, а затем и приглушённые травой шаги.

Пришлось буквально заставить себя не шевелиться.

– Как думаешь, нашего капитана погонят после смерти графа? Ежели так, то, возможно, присмотрятся к кому-то из нас? – низкий с хрипотцой голос был воодушевлён открыва-

ющимися перспективами. – Я служил верой и правдой роду ла Асолье и заслужил повышение!

– Так же, как и я, – фыркнул другой мужчина, в его тоне явственно слышалось раздражение. – А ещё графиня обещала повышение платы за верность лично ей, – молвил он, – леди Луиза такая красивая, – мечтательно добавил вояка, – говорят, вдовушки любят покувыркаться с бравыми солдатами на сеновале. А я смотри какой: всем хорош! И высок, и строен, и поговорить могу о чём угодно. Ну и любовник из меня хоть куда!

Я едва сдержалась, чтобы не фыркнуть.

Караульные прошли мимо, а мне подумалось, что даже они, простые стражники, рассчитывают что-то получить от смерти моего дедушки. И наверное, нет смысла осуждать их за простые человеческие желания.

Оглядевшись ещё раз, прислушалась снова и, не уловив подозрительных звуков, рванула вперёд: мне нужно было пробежать метров тридцать практически по чистому полю и скрыться в тени ограды.

И в эту самую минуту меня было бы прекрасно видно из окон особняка, кабы не набежавшие к этому времени на небо кучевые облака, которые буквально спасли меня от возможного обнаружения.

Добравшись до стены забора, прижалась к ней и, испуганно вращая глазами, постаралась унять бешено стучащее сердце. Боже, за что мне всё это?!

Откинуть тяжёлый засов оказалось самым простым из всего, что я испытала за последний час.

И вот я наконец-то стою за пределами дома. Мой путь лежал в сторону города. Особняк деда был построен не в населённом пункте, а в часе езды от него.

Бирмен – портовый город, достаточно большой и оживлённый: в него часто приходили корабли для "дозаправки" продуктами и свежей пресной водой. Но тем не менее данный населённый пункт мне совсем не нравился. Планировала ли я спрятаться где-нибудь в нём? Нет, ни разу мысли такой не мелькнула. Моя цель – переплыть пролив и оказаться в соседней стране. Вот там и переждать оставшиеся месяцы. Золотую монетку я спрятала в левом сапоге, а вот что касается столовых приборов, то мне придётся как-то исхитриться и продать их какому-нибудь нечистому на руку торговцу. Мне нужны средства, чтобы купить билет на корабль.

Двигаясь вдоль стены, дождалась очередной тучи, прикрывшей любопытную серебристую луну, и снова сорвалась на бег уже в сторону густого леса, росшего по бокам от дороги, соединявшей поместье ла Асолье с Бирменом. Решение двигаться вдоль тракта, но в лесу было обоснованным, поскольку шагать по наезженной колее заведомо глупая затея.

– Не трусь, – прошептала себе под нос, чувствуя, как плечи горят от тяжести рюкзака, и всё больше хочется передохнуть хотя бы пару минут. – Мне никак нельзя расслабляться, уж точно не сейчас.

Глава 9

Думала ли я когда-нибудь в своей прошлой жизни, что буду шастать в тёмном, густом лесу глубокой ночью? Нет, конечно! Мне такое даже и не снилось ни разу, ни в одном кошмаре! Но сейчас, замерев у ствола широкого дерева, окружённая практически первозданным лесом, я едва дышала, боясь шевельнуться: мне казалось, что на меня смотрят сотни чьих-то глаз, жаждущих вцепиться в моё тело, и оторвать смачный кусок, чтобы сожрать.

Брр!

По коже пробежала очередная волна мелких, мерзких мурашек. Я старалась не вздрагивать и не паниковать, но какой там! Я ведь человек, а не супергерой из комиксов. Прикрыв веки, прислушалась, а не завоет ли дикий зверь по имени волк, и, убедившись, что никаких подобных звуков и в помине нет, пошла вперёд по едва приметной лесной тропинке.

Шла и старалась думать логически: вокруг много населённых пунктов, я сейчас живу не в тёмном Средневековье, и всех опасных зверей, в том числе и целые стаи волков, давным-давно истребили. Медведи, возможно, есть, но и они наверняка боятся человека и сторонятся их, обитая где-нибудь подальше от наезженного тракта. Я же двигалась строго вдоль дороги, но среди деревьев, за пышными кустами.

Ночь выдалась прохладная, чувствовалось приближение

осени. И в который раз мысленно поблагодарила Милли за предусмотрительность: рубаха была тёплая, жилетка, удлинённая, с мягким подкладом, тоже согревала моё тщедушное тело. Рюкзак продолжал давить на плечи, но я терпела и упрямо тащилась вперёд, не забывая поглядывать по сторонам и прислушиваться к ночному лесу.

Выдохлась через час довольно быстрого шага. Выбрав дерево, с облегчением бросила сумку на землю и уселась под его кронами, откинув голову назад, прижалась затылком о шершавую кору и посмотрела на небо. Облака никуда не делись и периодически прикрывали луну, и мир погружался в практически непроглядную тьму.

Желудок неприятно заурчал, недвусмысленно сигнализируя, что пора бы подкрепиться.

Вынув из саквояжа давно остывший пирог, вгрызлась в его сочную мякоть, ммм, мясо с капустой! С наслаждением прикрыв глаза, принялась вдумчиво жевать, стараясь не спешить и не съесть всё за один присест.

Полупустая бутылка с плотно притёртой пробкой явилась на свет, и я с удовольствием сделала глоток прохладного взвара.

Завернув остатки пирога в тряпицу, вернула его в сумку, после чего с силой потёрла лицо, стараясь отогнать сонливость. Напряжение ночи, неприятные события последних дней – всё это давило на меня, и с каждой секундой мне всё меньше хотелось куда-то идти. Не представляю, как бы спра-

вилась настоящая Джейн. Девочка навряд ли чисто психологически смогла бы преодолеть все те ужасы, кои грозил подавить меня, ту, что повидала гораздо больше неё и знала многое из опытов жизни других людей.

Именно эти мысли привели меня в чувство! Ради Джейн, отчего-то тихо ушедшей из этого мира в собственной кровати, я должна жить!

– Офигеть! – прошептала я, сражённая пришедшей в голову шальной мысли: – а вдруг травить стали обоих: и деда, и его внучку? Вот только не рассчитали с дозировкой, и девочка умерла раньше срока?

В голове возникли разные мысли, в том числе и обеспокоенное лицо Милли, которая на несколько дней уезжала к дочери в деревню, а вернувшись обнаружила меня обессиленную и не встающую с кровати. С тех пор она сама приносила мне еду.

Странно всё это, даже страшно. Если я права, то рядом со мной всё это время жили не люди, а монстры под человеческой личиной.

Медленно выпрямившись, потёрла озябшие руки и плечи. Подхватив саквояж, закинула его на спину, и зашагала дальше.

Не знаю, в какой момент начала засыпать на ходу, но когда чуть не споткнулась о торчащую корягу, опомнилась.

Нужно поспать, хотя бы пару часов, иначе переломаю ноги, и это точно будет конец.

Залезть на дерево в принципе несложно, но без учёта дополнительного груза в виде сумки. Оставлять своё единственное "богатство" внизу мне категорически не хотелось, поэтому я поднапряглась, но таки забралась на самую нижний сук, вполне толстый и крепкий, чтобы выдержать меня. Спать вот так, боясь упасть, ещё то удовольствие, и даже тонкая верёвка, которую я предусмотрительно прихватила с собой, не особо давала расслабиться. И тем не менее я всё же смогла покемарить, восстановить часть сил и вернуть стойкость духа.

Ближе к рассвету, благодаря никогда не подводившему меня внутреннему будильнику, очнулась и, кряхтя, как столетняя старуха, слезла с приютившего дуба. Прислушалась. Тихо, только поскрипывают колёса… Я уже подняла было саквояж, чтобы накинуть его себе на плечи, как замерла с вытянутой рукой: мозг заскрипел шестерёнками и до меня, наконец-то дошло!

Какие колёса?!

Сердце пропустило удар, горло перехватило от паники. Неужели погоня? Догнали!

Бросилась было прочь, но снова притормозила.

– Джейн, а ну, успокойся! – тихо приказала самой себе и задумалась: итак, скрип колёс, значит, едет как минимум телега, а вояки Луизы будут наверняка конными, в карете они также разъезжать не станут.

И ещё не рассвело. Завтрак мне принесут после девяти

утра, а комнату свою я заперла изнутри, поэтому служанка, скорее всего, развернётся и уйдёт восвояси. Тревогу начнут бить, когда я не спущусь на завтрак в обеденную залу. То есть погоню за мной отправят как минимум ближе к двенадцати дня. До города ещё около пяти часов пешего хода в хорошем темпе. А при моём все шесть. Сейчас приблизительно половина шестого. Должна успеть!

А если рискнуть и выйти на дорогу?

Вдруг это едет селянин и по доброте душевной подвезёт меня хотя бы часть пути?

Сомневалась я минут десять: то туда, то сюда. Скрип деревянных колёс раздался совсем рядом и я решилась хотя бы посмотреть, кто это. Схоронившись за кустом, раздвинула ветки и вгляделась в поворот дороги, через некоторое время там показалась действительно телега, гружёная чем-то непонятным. Маленькой лошадкой правил мужчина, надвинувший чуть ли не на самый нос, широкополую шляпу. Разглядеть детали в предрассветных сумерках я так и не смогла, сколько ни всматривалась. Поэтому, взвесив все "за" и "против" ещё раз, вылезла на тракт, и не спеша зашагала в сторону города. Меня догнали достаточно быстро, я ведь специально шла медленно, словно была на прогулке в парке.

– Эй, – послышалось позади и я, остановившись, обернулась, – малец, ты чего по темени шастаешь, да ещё один?

– Доброго утречка, дяденька, – испуганно ответила я и собралась было рвануть в кусты, как старик снова воскликнул:

– Погоди, зла не причиню! Не боися!

Я притормозила и неуверенно на него посмотрела, для вида потоптавшись на месте.

– Тпруу! – поравнявшись со мной, мужичок натянул поводья и изумлённо спросил: – Ты почему один? Ребёнок же совсем!

– Дык, – потерев нос рукавом, начала я, – ушёл из деревни своей, в город подался, хочу иной доли.

– Эх, молодёжь, молодёжь, – покачал головой в соломенной шляпе дедок, – всё вам неймётся. Есть мудрые слова: где родился, там и пригодился. Меня Малоун звать, садись, подвезу. Ты же в Бирмен шагаешь?

– Меня Джон, – улыбнулась я, опасливо косясь на телегу.

– Говорю же, не боись! Там на продажу шерсть везу, жинка подготовила, холодно скоро, такой товар в чести, – я села на край телеги, уложила рядом с собой сумку и принялась внимать словоохотливому Малоуну. А он всё болтал, найдя во мне благодарного слушателя.

Глава 10

В Бирмен въехали через четыре с лишним часа неспешного хода. Под монотонные речи старика Малоуна я на некоторое время вылетела из реальности – просто вырубилась. Но он, кажется, даже и не заметил этого, поскольку очнувшись, первое, что услышала – это как он с сыном на прошлой неделе выловил в реке сома во-от таких размеров.

Портовый город показался из-за крутого поворота во всей своей красе: в широкие главные ворота въезжали многочисленные повозки, гружённые товаром, конные всадники и экипажи. Кто-то спешил распродать свой товар, как Малоун, а кто-то возвращался домой.

– Дедушка, – обратилась я к нему, сделав голос чуть пониже, чтобы соответствовать маскараду, – а можно с вами до рынка доехать? А ещё посоветуете, где в Бирмене я могу вкусно поесть, снять коморку, и чтобы недорого было.

– Ох, мальчонка, ну ты чего с деревни-то своей уехал? Тяжко в городе жить, поверь мне, а в селе как: вышел, поработал в поле, потом можно и на речку сходить, рыбку половить, ягоды в лесу набрать… Ну раз ты ко мне за помощью обратился, совет бесплатный дам.

– Ага, пасиб, – и шмыгнула носом, отерев его тыльной стороной ладони.

– Так вот, на рынке торгуйся до последнего, завсегда це-

ну гнут непомерную, но охотно сбрасывают, коли покупатель настойчивый попался.

Я понятливо кивнула, мол, всё ясно. Пока старик обдумывал, чтобы мне ещё присоветовать, я решилась и обратилась к нему со своей проблемой:

– У меня есть вещи отцовские, продать хочу. К кому можно было бы обратиться, чтобы не обвинили в воровстве, вы ведь и сами понимаете, мал я ещё для таких дел.

– Хмм, – мой собеседник вдруг натянул поводья, и лошадка остановилась, после чего просунул руку под сиденье, достал початую бутылку и, выдернув затычку, сделал несколько солидных глотков, после чего протянул тару мне, – это ягодная настойка, жена варит, такую ты точно больше нигде не испробуешь.

Я нисколько не брезгуя, взяла бутылку и немного пригубила: ягодный морс со странным, но приятным послевкусием какого-то травяного сбора. Вкусно. Приложилась основательнее, утоляя жажду и немного голод. Краем глаза заметила как довольно разулыбался старик и гордо выпятил грудь.

– Никогда не пил ничего вкуснее! – искренне воскликнула я, возвращая тару собеседнику.

– Вот, об чём и я говорю, жена у меня мастерица на все руки, а уж какие у неё пироги, ммм, бушь в наших краях, заезжай в гости, угостим так, что из-за стола не захочешь вставать, пока всё не отведаешь.

– Непременно, дедушка, – улыбнулась я, смотря как он

плотно ввинтил пробку в горлышко и вернул сосуд под лавку.

– Что ты там хочешь продать, ну-ка, покажи мне, не боися, я не украду, мне подумать надобно, к кому с твоим вопросом обратиться.

Я посмотрела в открытое, честное лицо Малоуна и решилась: подтянула к себе саквояж, прикрытый моей жилеткой, и вынула из недр столовый набор на одну персону: вилку, нож, и две ложки разных размеров.

– Серебро это, отец умер, мать тоже, сие их наследство, – и протянула свёрток терпеливо ожидавшему старику.

– Красота-то какая, смотри-ка! Ох и тонкая же работа! Эти листики, как настоящие, – восхитился он и подозрительно на меня поглядел. А я подумала, что приняла верное решение, спрятав подаренную дедушкой парюру, мало ли что меня ждёт впереди, а потерять целое состояние и, возможно, свою жизнь, не хотелось. Пусть полежат в моём тайнике, выну, как вернусь.

– Не воровал, зуб даю! Вот, поклянусь всем, что мне дорого, моё это! – я не лгала, поэтому мужичок вдруг улыбнулся, явно мне поверив.

– Я сам продам, а монеты тебе отдам. Знаю, к кому пойти, вопросов тот человек не задаёт, и деньги платит разумные. Меньше, конечно, чем твой набор на деле стоит, но тут уж, не обессудь.

– Да-да, я всё разумею! – быстро закивала, торопясь со-

гласиться, лишь бы старик не передумал, и сжала его сухие ладони в благодарном жесте. – С монетами выжить первое время будет полегче.

– Вот тут ты прав, сынок, здеся с тобой не поспоришь. Дам тебе ещё пару дополнительных советов: в порт ночью не ходи, лихие люди там промышляют, жизни лишиться – не самое страшное, что может произойти, – и многозначительно замолчал, мне стало неуютно, стоило подумать, о том варианте, что хуже смерти. – Снять комнатку можно в любом трактире, главное, подальше от крепостной стены, например, ближе к рынку, там и цены приемлемые и еда вполне съедобная. Но лучше покупай хлеб и пироги на рынке, оно завсегда свежее, да и вкуснее.

Я внимательно слушала мужичка, стараясь запомнить всё, что он говорил, поскольку информация лишней не бывает. Всегда так было, во всех мирах.

– Ладно, хватит лясы точить, пора бы и в город заехать, мне же ещё назад надобно возвратиться и желательно засветло.

Очередь у ворот была не очень большая, видать, многие въехали гораздо раньше нас. Солнце сегодня разошлось не на шутку – припекало так, что хоть прямо сейчас в ледяную реку!

Охранник-привратник сидел на возвышении в тени и с ленцой поглядывал по сторонам. Стоило нашей телеге подкатить к нему, как он, даже не приподнявшись, спросил:

– Цель визита?

– И тебе не хворать, Рой, – приветливо улыбнулся ему Малоун. – Ты как будто меня и не знаешь вовсе, товар я привёз, распродать надобно.

– Порядок нужно соблюдать, – проворчал стражник, безразлично осмотрев меня и гружёную телегу. – А это кто с тобой? Впервые вижу.

– Дык, внучок мой, – спокойно ответил дед, – вот, везу показать, как дела на рынке делаются.

– Ааа, – равнодушно цыкнул щербой Рой, – ладно, надоело болтать, поезжай, – махнул рукой, отпуская нас и переводя взор на следующего в очереди.

– А досматривать нас не станешь? – с ехидцей прищурился селянин.

В этот момент мне захотелось треснуть его по спине – так как мой саквояж, сейчас прикрытый жилеткой, непременно вызовет подозрения, а уж его содержимое так и вовсе могло стать причиной неудобных вопросов.

– Малоун, ну дык, ты разве ослеп? Я не хочу изжариться на этом пекле, мне и тут хорошо. Проезжай, говорю!

Больше раздражать гвардейца Мелоун не рискнул и, понукнув лошадь, устремил взор вперёд. А через несколько минут мы влились в плотный поток жителей, огибавший нашу повозку, как живая река островок: люди куда-то спешили, что-то несли, кому-то кричали. Ветер дул в нашу сторону и окутывал меня запахами протухшей рыбой и разлагающи-

мися водорослями. А ещё солёным морем.

Вкус свободы был не такой приятный, как мне бы хотелось: город не радовал чистотой – вокруг валялся какой-то мусор и изредка, но встречалась домашняя живность, издававшая громкие звуки и гадившая, где придётся.

– Ну вот, погляди на наш Бирмен, – поведя рукой, проговорил старик, – нравится?

Он, наверное, ожидал от меня неких восторженных эмоций, поскольку я в его глазах – полная деревенщина, юнец, не видевший ничего, кроме своей деревушки. Решив не лишать его такого удовольствия: распахнула глаза как можно шире, и завертела головой, осматривая двух- и трёхэтажные серые, безликие дома, и мельтешащих туда-сюда горожан. Даже поахала пару раз, для колорита.

На самом же деле городишко вообще не впечатлял – большая деревня без лоска и какого-то единого архитектурного стиля. Скучный, безликий и не запоминающийся.

– Поехали, покажу тебе рынок. Ох и большой он, там всего видимо-невидимо! – заверил меня Мелоун, а я посмотрела на него с искренней благодарностью.

Мне очень повезло повстречать его на своём пути. Наконец-то удача улыбнулась мне, теперь, главное, её не спугнуть.

Глава 11

– Так, Джон, я тебе тут прикупил еды, ты поешь, посиди и обожди меня, понял? – Малоун внимательно посмотрел мне в глаза, – а я схожу по-нашему с тобой общему делу, – негромко, проникновенно добавил он.

– Хорошо, – кивнула я, мне ничего не оставалась, как довериться ему. – Я буду ждать вас здесь, – и села на лавку за столик в углу не самой плохой таверны.

Весь день я провела на рынке, в ожидании, когда старик распродаст свой нехитрый товар, также пробежалась по рядам, посмотрела на цены, прикинула, что мне ещё нужно для будущего путешествия, даже немного поработала зазывалой, за что получила приличный кусок горячего пирога. Местная детвора, а это были беспризорники, косились на меня со злобой в вечно голодных глазах, но подходить не решились, я была внешне старше и вела себя весьма уверенно. Может, не стали связываться из-за Малоуна. А я решила не испытывать судьбу и больше не искала лёгких подработок.

Мой случайный попутчик, кивнув подавальщице, направился на выход, а грудастая официантка поставила передо мной большую миску дымящейся каши с мясом и капельками растаявшего сливочного масла. Несколько ломтей широко нарезанного серого хлеба, кружку с ягодным морсом. Благодарно ей кивнув, взяла деревянную ложку и принялась

за свой поздний ужин.

Еда была проглочена с превеликим удовольствием, я даже ложку облизала, наплевав на приличия и этикет. Хлеб оказался свежим и мягким, напиток сладковатым с медовыми нотками. Старик явно не поскупился и угостил от души.

Бросив взгляд в широко распахнутые, не застеклённые окна, изумилась – уже стоял глубокий вечер. Надо же, как время быстро пролетело! Главный зал таверны постепенно наполнялся усталыми людьми, практически все столики оказались заняты, а Малоуна всё не было. Сердце тревожно сжалось.

– Девушка, – обратилась я к проходящей мимо подавальщице, – а скажите, главные ворота, ведущие в город, ещё открыты?

Девица удивлённо на меня посмотрела:

– Ты точно не местный. Давно уж заперли. Хода за пределы Бирмена нет, завтра поутру только отворят.

Я кивнула и поджала губы в задумчивости. В груди всё ещё теплилась надежда, что меня не обманули, старик спешил уехать из города пораньше, но ради моего дела решил задержаться. Поэтому Малоун вполне может заночевать в Бирмене. Нужно лишь его дождаться.

– Эй, малой, – не слишком вежливо окликнула она меня, ты ещё что-то будешь? Если нет, то дверь вон там, не занимай место.

– А вода у вас, сколько стоит? Я ещё свой хлеб недоел.

– Бесплатно, сейчас принесу, – осуждающе приподняв брови и демонстративно фыркнув, официантка направилась прочь, покачивая тугими бёдрами. Пару мужиков не сдержались и хлопнули её по округлым упругим бокам, на что подавальщица многозначительно и многообещающе рассмеялась.

– А какова цена за номер? – когда она вернулась ко мне с кружкой воды, уточнила я.

– Один серебряный, еда не входит, последовал лаконичный ответ и дамочка удалилась, чтобы обслужить немалую кампанию городских стражников, сидевших в центре таверны за большим, щедро накрытым столом.

Итак, один золотой это приблизительно сто тысяч рублей, в нём сотня серебряных, один серебряный – тысяча рублей, а медяшка – это десять рублей. То есть ночь в этом заведении стоит вполне приемлемо.

Но не для меня.

Сглотнув вдруг ставшей вязкой слюну, примёрзла взором к входной двери и стала буквально её гипнотизировать. Ну где же ты, добрый дедушка по имени Малоун. Я ведь поверила, понадеялась, что моя интуиция меня не обманула, что наконец-то и мне улыбнулась удача!

Но секунды бежали, сливаясь в минуты, а вместо моего случайного попутчика заходили совсем другие люди.

– Хватит тут сидеть, вон, весь стол и пол в хлебных крошках, ежели больше ничего заказывать не будешь, плати за

ужин и выметайся, – рядом со мной остановился грузный мужчина, ранее стоявший за стойкой и разливавший пенный напиток в щербатые деревянные кружки. Хозяин заведения. – Давно на тебя гляжу, не нравишься ты мне.

– Как заплатить?! – опешила я, вычленив главное. – Тот старик, что был со мной, сказал, что за еду оплачено!

– Он молвил, что оставил деньги тебе и ты сам со мной рассчитаешься, – покачал головой верзила, а моё сердечко ухнуло куда-то в пятки, а затем взлетело к самому горлу, чуть не выпрыгнув наружу. Меня затрясло, перед глазами пронеслись варианты, как со мной могут поступить, если я не смогу отдать деньги за еду.

– Дяденька, – даже притворяться не пришлось – голос натуральным образом задрожал, – я могу как-нибудь отработать? Дров наколоть, – при мысли о подобной работёнке мне поплохело, – воды натаскать, али посуду грязную помыть?

Трактирщик нахмурил кустистые брови пуще прежнего, поджал губы, а короткая щётка усов неприятно зашевелилась, как мохнатая гусеница.

– Ну уж нет, знаю вас таких, веры подобным тебе отщепенцам нет совсем! Я тебя сейчас лучше сдам гвардейцам, как вора и обманщика! Пусть они с тобой разбираются, – и наклонился вперёд, чтобы схватить меня за грудки, а я была готова: резко оттолкнувшись, буквально вылетела из-за стола, перевернув стул, который с громким стуком упавший на пол.

Не теряя драгоценных секунд, закинула саквояж на спину и, недолго думая, вскочила на подоконник – окно располагалось практически у меня за спиной. И выпрыгнула наружу, в объятия густой тьмы.

Я бежала так, как никогда в жизни, первое время кто-то кричал мне вослед, я слышала звуки погони, но догнать меня никому из подпитых гостей таверны так и не удалось.

Прильнув к стене какого-то дома, прикрыла веки, чтобы хотя бы немного отдышаться. И привести мысли в порядок. Я ведь могла достать золотой, но показывать такие деньги кому бы то ни было, значило подписать себе смертный приговор своими же руками. В моём мире и за меньшую сумму погибали люди.

– О, смотри, кто тут у нас? – услышала я голос совсем рядом.

– Симпатичный юноша, – чуть пришёптывая ответил кто-то другой.

– Эй, ты чего забыл в этот час в порту. Тут может быть очень опасно, особенно для столь молодых хорошеньких парнишек.

А я в ужасе распахнула глаза и уставилась на двух мужиков, которые глядели точно на меня. Свет луны был беспощадно ярок, и я могла рассмотреть некоторые детали их внешности. И одинаковое выражение лиц незнакомцев мне совсем не понравилось. Мерзкие морды людей определённой категории: воры, убийцы, насильники. Печать разложе-

ния прослеживалась в мимике и жестах, даже бегающие глаза о многом мне сказали.

– Пойдём с нами, малец, отведём тебя к тётушке Марше, она накормит, обогреет, спать уложит, – голос первого стал сладок, как патока, но от его речей практически на физическом уровне повеяло гнилой ложью.

– Да? Я кушать хочу, и замёрз, – жалобно шмыгнула я.

– Так об чём мы и говорим, а тётушка наша, хорошая, вкусно готовит, – они шагнули ещё ближе, словно стараясь взять меня в клещи.

– Ага, щас, только шнурок завяжу, – бодро заявила я, быстро присела и, подхватив увесистый камень, без раздумий швырнула в их сторону, и надо же, попала!

Тот, что заговорил первым – взвыл, как иерихонская труба, а второй растерянно отшагнул. И пока один орал, а другой непонимающе на него смотрел, я прошмыгнула мимо и дала такого стрекача – пыль столбом!

Оказаться в самом опасном районе города – это нужно уметь! Как меня сюда занесло? Я мчалась, не останавливаясь, но при этом стараясь не сильно шуметь. Заметив проход между двумя высокими зданиями, очень похожие на склады, рванула туда и очутилась в тупичке. Но тут никого не было, лишь стояли какие-то деревянные ящики, в беспорядке наваленные друг на друга. Заглянула внутрь ближайших – пустые. Протиснувшись поглубже, чтобы спрятаться за их нагромождением, буквально рухнула на землю и постаралась

отдышаться: грудь ходила ходуном, в ушах шумело, лицо горело, руки тряслись и ноги более не держали.

– Всё, я больше никуда не побегу, – прошептала сипло, – пусть убивают, но более ни шага не сделаю.

А ещё нахлынула такая тоска – хотелось завыть во весь голос, но вместо этого на глазах выступили слёзы и крупными каплями побежали по разгорячённым щекам, падая на пыльную, утрамбованную до каменной твёрдости, землю: меня обманули. Старик Малоун, оценив столовый набор, решился обвести пацана вокруг пальца. А я, наивная, поверила в его сладкие, полные доброты речи. И советы его, сказанные строго, но мягко, тоже подкупили. Дурёха! Никому в этом мире верить нельзя! Возможно, он даже проверил мою сумку, пока я бегала по базару, чтобы убедиться, что у меня больше нет ничего ценного.

Повздыхав ещё немного: жалость к себе просто зашкаливала, постаралась успокоиться и прекратить икать и вздрагивать всем телом от сильных рыданий. Немного сил ко мне вернулось только полчаса спустя и я, собравшись с духом, поднялась на ноги и принялась осматривать своё случайное прибежище. Из кучи ящиков, поставленных как попало, получилась крайне странная конструкция. Тёмный зев между двумя рядами меня весьма заинтересовал и я, стараясь двигаться бесшумно, заглянула внутрь. Оказалось, что между коробками образовалось некое пустое пространство.

Встала на четвереньки и заползла внутрь. Вот я и нашла

подходящее место для сна…

Глава 12

Меня разбудили странные звуки, кто-то неподалёку… мычал… Вот действительно, словно хотел бы и покричать, но во рту что-то застряло, и звуки искажались, став глухими и невнятными.

– Гадина!

Плюх!

Это точно был удар по лицу – звук пощёчины сложно с чем-то перепутать.

– Не дёргайся, пока мы с тобой не закончим!

В моём пристанище было темно – на дворе стояло раннее утро. А ещё я продрогла: с пролива дул сырой, холодный ветер, пробирающий до мозга костей. И поза у меня была не самая удобная, и тело затекло так, что я, распахнув глаза, ощутила, как онемели конечности.

– Мэумм, – послышались стоны и приглушённые рыдания.

– Дэн, ты чего там возишься?! Давай по-быстрому, я чё, зря её уволок?

– Да погоди ты! – прорычал первый и снова послышалась возня.

Моё желание жить было сильным, но жалость к той, которую, по всей вероятности, собирались изнасиловать, перевешала всякую осторожность. И я медленно выбралась нару-

жу. Выглянула из-за нагромождения ящиков, чтобы оценить ситуацию. В предрассветных сумерках двое мужчин держали слабо сопротивляющуюся женщину: один развязывал ремень на штанах, другой придавил лопатки бедняжки к земле, чтобы, видать, не трепыхалась.

И оба не смотрели в мою сторону – настолько были увлечены процессом.

– И вообще, так нечестно! – плаксиво заявил второй, – я её поймал, я и должен первым насладиться.

– А я старше! И посему главный, не забывай об этом, ни то по зубам получишь, и последние вылетят. Тогда кликуха у тебя будет не Крыс, а Шмяк, ахаха, – заржал первый, наконец справившись с завязками.

– Почему это Шмяк?! – возмутился подельник, от возмущения забывшись и нажав на бедную девушку коленом так, что та захрипела от боли и недостатка воздуха.

– Да потому что без зубов ты только шамкать и сможешь, – продолжал веселиться тот, которого, по всей видимости, звали Дэн. – Ну вот так, уже очень хорошо, лапушка моя, – и, резко раздвинул ноги снова задёргавшейся жертве.

И тут я поняла, что если ничего не сделаю, то произойдёт непоправимое!

Недолго думая, что таким образом возможно подставлю саму себя под удар, схватила увесистый обломок одной из коробки и, стараясь сильно не шуметь, обогнула своё укрытие и быстро подошла к насильникам. Те пыхтели и ничего

не слышали и не видели увлечённые процессом.

Хрясь!

– Упа-а, а! – бах!

Хрясь!

Бах! – и второе тело завалилось набок.

Когда-то я неплохо играла в теннис, вот и сейчас ударить по их головёшкам вышло просто мастерски, тем более черепушки бандитов были в несколько раз больше теннисных мячиков – промахнуться невозможно! И била я со всей дури! Со всей накопившейся злостью и отчаянием, которые помогли рукам не дрогнуть и добавили сил, да столько, что мне послышался хруст костей, а, возможно, и шейных позвонков.

– Леди! – негромко позвала я притихшую девушку, она бедненькая даже пошевелиться боялась, видно, как напряжено её тело, значит, в сознании и всё слышит. – Я не причиню вам вреда, я этих гадов обездвижил. Вы только не кричите, когда я с вас сниму кляп и путы, иначе, боюсь, сюда ещё кто-нибудь из этой братии набежит…

Говорила я чуть суетливо, косясь на неподвижных мужиков. После чего с трудом перевернула её на спину и приготовилась вынуть кляп из её рта.

– Не кричите, ладно? – попросила ещё раз, заглядывая в большие красивые глаза незнакомки.

Та судорожно сглотнула и быстро кивнула.

Мысленно помолясь, чтобы она меня послушалась, сняла какую-то вонючую тряпку и выдернула не менее "аромат-

ный" комок шерсти из её рта.

– Благодарю, – просипела дама, а я, кивнув, тут же взялась развязывать тонкую верёвку, намотанную на её запястья. – Нужно побыстрее уходить отсюда, – прошептала окровавленными губами женщина.

– Да, возможно, вы правы, – путы наконец-то поддались и я, выкинув верёвки в сторону, помогла барышне подняться. – Поспешим, пока они не очнулись.

Быстро вернулась к своему убежищу, подхватила драгоценный саквояж и пошла вперёд, опередив прихрамывающую леди на полметра. Выглянула из-за угла одного из складов, повертела головой туда-сюда, осматриваясь, но было тихо, и лишь плеск волн ласкал мой напряжённый слух.

– Поспешим, – позвала я девушку, но та стояла прислонившись к стене и держалась за правый бок.

– Больно, кажется, они мне все внутренности отбили, и кости саднят, сил нет.

– Давайте я вам помогу, – и, не дожидаясь ответа, подошла к ней. Девушка приняла мою помощь благодарно кивнув. Мы вышли вдвоём из оказавшегося не таким уж и безопасным тупичка и направились куда-то.

– Я здесь не ориентируюсь, – честно призналась, – вчера только прибыл в Бирмен. И попал сюда по чистой случайности – за мной гнались такие же бандиты, что схватили и вас.

– Понимаете, – полупрозрачные, пока ещё невесомые солнечные лучи медленно, но верно окрашивали горизонт и во-

ду в причудливые предрассветные тона, – я не понимаю, как такое вообще могло произойти! Я личная служанка мадам Сильвии, вышла на задний двор гостиницы, чтобы вылить её ночной горшок, а затем заглянуть на кухню, спросить, есть ли желающие поступить в услужение к моей работодательнице, как меня стукнули по затылку и я потеряла сознание…

Я кинула оценивающий взгляд на наряд бедняжки: тёмно-бордовое платье из неплохой плотной ткани, по краям рукавов и по подолу пришиты ажурные рюши, связанные из светло-серой шерсти; волосы собраны в низкий тугой пучок, сейчас разлохмаченный, и лицо юное, вполне симпатичное.

– Моя хозяйка собирается завтра отправиться на корабле в Марсэль, – продолжала щебетать девушка, – и я одна не справляюсь…

– Меня зовут Дженни, – представилась я, решив раскрыть свою половую принадлежность, – и мне нужна работа, – широко распахнутые глаза девушки были мне ответом, она даже на мгновение остановилась, ошарашенно на меня посмотрев, я вздохнула и стянула с головы свою шапку, продемонстрировав волосы, собранные в тугую высокую шишку. – Пришлось притвориться юношей, чтобы со мной не произошло того, от что не так давно я тебя уберегла.

Мои слова заставили девушку вздрогнуть – она явно вспомнила о том, что чуть с ней не произошло.

– Меня зовут Энни, и в качестве благодарности за своё спасение, Дженни, я буду рекомендовать тебя мадам Силь-

вии, – в её голосе явственно слышалась уверенность, – ты не смотри на меня так, – покачала она головой, опасливо оглянулась и потянула меня дальше, стараясь при этом сильно не наклоняться вправо, – у тебя есть какая-нибудь одежда? Лучше платье.

– Да, – кивнула я.

– Просто замечательно! Тогда поступим так, сейчас выйдем на дорогу, там уже у людей поспрашиваем, они подскажут, и пока мадам не проснулась, успеем тебя переодеть, поправим причёску и пойдём знакомиться. Сразу скажу, мадам блюстительница этикета, я тебе покажу, как делать книксен, как держать голову, как смотреть на неё так, чтобы при этом не раздражать, даже каким голосом с ней говорить… Хозяйка любит поспать почти до одиннадцати дня, поэтому всё успеем. Ох!.. – и погладила свой бок и рёбра, – гады такие! Они ещё обсуждали, как продадут меня Марше, насколько я знаю, она хозяйка самого злачного борделя в порту.

Я аж вздрогнула от её слов, а ведь именно туда меня хотели проводить те двое, что повстречались мне вчера поздно вечером.

Устало вздохнула: не всё мне подаётся на блюдечке, и даже встречные могут быть плохими людьми.

Невольно покосилась на всё ещё о чём-то болтавшую Энни и подумала, что подруги мне не нужны, я буду молчать и больше слушать. Да, так оно точно гораздо безопаснее!

Глава 13

Мадам Сильвия оказалась странной женщиной среднего возраста. Характером обладала вспыльчивым, но отходчивым. Её закидоны и неожиданные истерики Энни терпела со стойкостью Оловянного солдатика. И это объяснялось очень просто – деньги мадам Бернар платила приличные. Наверняка, от неё очень часто сбегали слуги, и она в итоге стала возмещать некоторые неудобства пребывания подле её колоритной фигуры звонкой монетой. И я была уверена, что близка к истине.

Спасённая мной девушка, привела меня в неплохой трактир, но расположенный на границе с портовой частью Бирмена. Объяснялся такой выбор просто: багажа у её хозяйки было столько, что пришлось снимать дополнительную комнату, дабы хоть куда-то уместить все эти многочисленные сундуки, саквояжи и небольшую, но весьма красивую, даже антикварную мебель, сейчас прикрытую в отрезы плотной ткани. Так вот, чтобы меньше платить носильщикам, дама выбрала именно это место своим временным жильём. А она, кроме щедрости в отношении служанки, оказалась женщиной бережливой, даже чрезмерно экономной, в общем, одним словом – скряга.

Энни, верная своему слову до пробуждения мадам, принялась меня учить.

– Давай покажи мне, как ты умеешь делать книксен? – менторским голосом потребовала она, чувствуя власть надо мной, поскольку была старше, да ещё и при работе.

Пока мы ковыляли по улочкам в сторону постоялого двора, я обдумывала правдоподобную легенду: кто я, откуда родом, чем занималась? И проще всего было сказать правду. Но ведь она (правда) может быть разной, не так ли? Приукрасил тут, смолчал здесь и вуаля! история очень похожая на истинную, готова!

Итак, я сирота, незаконнорождённая дочь провинциального барона, после смерти которого его молодая жена сослала меня с глаз долой прямиком в закрытый девичий пансион. В этом учреждении обучали будущих слуг, но рангом повыше, нежели горничные и поварихи. Например, гувернантки и экономки. Там же я "научилась" музицировать, изучила (не углубленно) экономику, счёт, литературу, историю, географию и основы живописи. И теперь могу стать наставницей какому-нибудь юному наследнику аристократического титула или дочери вельможи. И подойду в дуэньи девушке на выданье.

И всё перечисленное выше я умела делать просто прекрасно – досталось в "наследство" от прошлой хозяйки тела, ну а играть на пианино я могла и так. И вполне даже неплохо. Себя не похвалишь, как говорится.

В общем, вопросов по этикету у мадам Бернар ко мне возникнуть не должно. Потерпеть чьи-то приказы, ради того,

чтобы сесть на корабль и отчалить от этого недружелюбного берега – да легко! К тому же мне ещё и неплохо заплатят. Золотой один у меня есть, но я его тратить ой как не хочу, это моя монетка наудачу и на чёрный день.

В два дня один серебряный. Это очень хорошие деньги. А за месяц у меня их будет пятнадцать. Это порядка пятнадцати тысяч рублей. Тут цены на продукты, натуральные, не напичканные всякой химией, очень приемлемые и эта зарплата позволит мне не только вкусно поесть, но и мягко поспать. Так что выбор очевиден. Правда, у меня иного варианта и нет.

Энни требовательно приподняла красиво изогнутую бровь и я восхитилась её ухоженности: девушка явно себя любила. Я рядом с ней серый гадкий утёнок. Джейн и без того невероятно худая, буквально плоская дощечка, так и на лицо невзрачная, спасали глаза – большие и выразительные, яркого синего цвета. За такие можно и душу продать. Ясные, бездонные и очень честные. И черты лица правильные, аристократические, но за общей неухоженностью это достоинство, увы, терялось. А мне самой следить за внешностью своего нового тела просто было некогда: то я переживала за попадание в другой мир, то несколько месяцев провела в монастыре, а там о таких вещах вообще не думаешь, то вот в бегах. Тут бы выжить, а не перед зеркалом вертеться.

Вздохнула и мастерски сделала реверанс. Не слишком подобострастно, но с необходимой в эдаких случаях толикой

уважения к возможному работодателю.

– Ого! – опешила Эн, – это ты где такому научилась?!

– В пансионе для девочек в Шелтоне при тамошней церкви, – солгала я и глазом не моргнув.

– О-о, – губы служанки округлились, – так ты образованная? Такое может очень понравится мадам, я читаю крайне медленно, она злится и пуще прежнего раздражается, – покачала головой новая знакомая. – Ладно, чего уж тебя учить, коли ты лучше меня многие вещи из этикета ведаешь, только время зря потратим. Давай хотя бы приведём в порядок твои волосы и смоем эти ужасные брови! Просто кошмарные, такие густые и чёрные, они у тебя прям как настоящие, и как ты умудрилась их нарисовать столь правдоподобно? – и снова нескончаемый поток словоохотливой девушки забил весь мой эфир.

Смыть мою маскировку вышло далеко не сразу, пришлось взять на кухне плошку масла и тряпицей, смоченной в жирной субстанции, оттереть свои соболиные бровки, кои я нарисовала в волосковой технике.

А стоило часам пробить одиннадцать, как Энни подхватилась и, поманив меня за собой, вышла из небольшой комнатушки, где её поселили, в коридор. Далеко идти не пришлось: номер мадам Бернар располагался прямо напротив.

Короткий стук в дверь, затем девушка прислушалась и хотела было развернуться, чтобы, по всей видимости, уйти, как до нас донёсся приглушённый чуть скрипучий женский го-

лос.

– Стой здесь, я тебя позову, – прошептала Энни и, поправив чепец, потянула дверную ручку на себя.

Я вытянула шею, чтобы рассмотреть хоть что-то, но комната была погружена в полумрак, и заметны были лишь какие-то фрагменты мебели, да часть балдахина над кроватью.

Дверь за Энни закрылась быстро, и я осталась одна в плохо освещённом коридоре. Но заскучать не успела – минут через пять дверная створка распахнулась снова и Энни, делая странные знаки бровями, громко сказала:

– Дженни, проходи будь добра, мадам Бернар хочет с тобой познакомиться.

И отошла в сторонку, пропуская меня вперёд, при этом умудрилась шепнуть:

– Хозяйка не в духе…

Я вошла в хорошо обставленное помещение, плотные занавески на окнах уже были распахнуты и в комнату лился яркий дневной свет. Любопытно было – жуть. А посмотрев на кровать, наткнулась на прищуренный взор зелёных глаз: незнакомая дородная женщина следила за мной, как кобра за мышью.

– Ты та, о ком столь вдохновенно вещала Эн? – голос скрипучий, неприятный.

– Прошу прощения, мадам, – опомнилась я и быстро присела в положенном случаю книксене, застыв буквально на пару тройку секунд, после чего изящно одни слитным дви-

жением выпрямилась и ответила: – Да, я та самая. Меня зовут Дженни.

– Хмм, – пухлый указательный пальчик, унизанный перстнями, прижался к не менее полным губам, – неплохо… Рекомендательные есть?

– Увы, я не так давно закончила своё обучение в закрытой школе и ещё ни на кого не работала.

– Это понятно, а от заведения бумаги где? – мадам Сильвия свесила на удивление стройные ноги на пол, небрежно откинув в сторону одеяло.

– Украли. Как и личные вещи, – ответила честно, а перед глазами стоял улыбающийся "добряк" Малоун. Даже невольно кулаки сжала, настолько хотелось заехать по его лживой роже. Это всё не укрылось от внимательных очей дамы.

– Вроде как не лжёшь, – медленно протянула она, рассматривая меня внимательнее. – Ты присядь-ка вон туда, – Сильвия указала подбородком на стул напротив, – да расскажи мне о себе подробнее и почему не поехала к родне?

Я вежливо кивнула, раз позволили сесть, отказываться не следует. Расположившись на самом краешке сиденья, неуловимым движением оправила юбку и заговорила:

– Я небрачная дочь барона Грея, после его смерти мачеха отправила меня в закрытую школу при церкви, – начала я свой рассказ, а сама думала о том, что в принципе практически не солгала, кроме того, что я всё же не незаконнорождённая, а законная наследница огромного состояния.

Глава 14

Мадам Бернар оказалась интересной дамой с бульдожьей хваткой и нюхом истинного сыщика. Она задавала вопросы, вроде бы не заковыристые, но закольцованные, то есть одни и те же вопросы повторялись, но, иными словами – дама явно пыталась поймать меня на лжи. Вот только ничего у неё не вышло – я ни разу так и не прокололась: моя история была настолько простой, что запутаться в ней оказалось невозможно.

– Мне всё понятно, сиротка Дженни, – Сильвия наконец-то грузно встала со своей кровати и в короткой ночной сорочке прямо босиком, игнорируя стоящие неподалёку мягкие тапочки, прошлёпала к керамическому тазу, где её уже поджидала расторопная Энни с кувшином наперевес. Я встала следом за ней, поскольку сидеть при стоящей хозяйке дома, в данном случае комнаты, нельзя было, лишь в случае, когда я её гостья и нахожусь с ней на одной социальной лестнице. – Ты принята, но только на время плавания. В Марсэле у меня достаточно слуг. Оплата, насколько я поняла, тебе уже известна, серебряный за два дня работы. И раз ты здесь, это условие тебя полностью устраивает, верно? – вопрос был риторический, но я всё же кивнула, хотя женщина стояла ко мне спиной. – Всё, что ты увидишь или услышишь, находясь подле, должно остаться между тобой и мной. На сей счёт ты

подпишешь стандартный договор.

Мадам Бернар умывалась шумно, прямо с наслаждением! И шею, и лицо, и руки до локтя, даже декольте протёрла влажной тряпицей, после чего Эн шустро стянула с неё мокрую сорочку и метнулась к шкафу, где висели разные очень яркие одеяния.

– Дженни, в том шкафу подай алое платье, – распорядилась теперь уже моя нанимательница, и я, сделав короткий книксен, поспешила выполнить приказ.

Распахнув дверцы, уставилась на ворох нарядов, и каких только цветов здесь не было! От такого пёстрого изобилия у меня на миг зарябило в глазах. Благо красное, даже рубиновое платье, было единственным и я, подхватив его, рванула к леди, на которую Эн уже натянула корсет и завязывала крепкие ленты. И в этом мире женщин высшего сословия не миновала участь быть "окорсеченными", правда, дамы пользовались ими без фанатизма и в основном только те, кто обладал пышными формами, например, как мадам Сильвия.

Энни профессионально завязала атласные ленты в красивый бант и протянула руки за платьем.

– Дженни, туфли в тон, – равнодушно приказала леди, глядя на суетившуюся вокруг неё горничную. Я прошла к тому же шкафу и внимательно его осмотрела. Мешки с обувью, как и ожидалось, нашлись в самом низу, пришлось развязывать горловину на каждом в поисках необходимой пары.

– Долго что-то ты возишься, – в поле моего зрения по-

явился подол алого платья, голос хозяйки был капризен и весьма недоволен, – учись быстрее, – и, судя по её тону, мадам вовсе не волновал тот факт, что я как бы работаю у неё от силы пять минут.

– Я быстро учусь, и уже запомнила, где и какого цвета ваши туфли.

– Конечно, запомнила, ведь ты дорожишь столь хорошим местом?

– Безусловно, мадам, – кивнула я, после чего поставила перед ней красные туфли, следом опомнилась и, приподняв подол платья женщины, помогла натянуть сначала правую, затем левую.

Далее мы сопроводили женщину вниз, в таверну, на завтрак. Леди могла бы и поесть в номере, но, насколько я поняла, ей нравилось наблюдать за другими людьми. Мои выводы оправдались: мадам Бернар действительно с удовольствием могла смотреть на кого-то и оценивать его по внешности меткими, довольно язвительными замечаниями. Мы с Энни стояли буквально на полшага позади её широкой спины и слушали её комментарии:

– Вон тот с длинным носом, явно крючкотворец, зарабатывает гроши, но любит поесть в хороших местах, поскольку таким образом пытается сам себе доказать, что хоть чего-то добился в этой жизни… Девочки, посмотрите на во-он того, у окна, высокий, симпатичный, опрятно одетый, стреляет в меня своими греховными глазами – охотник на богатых оди-

ноких женщин. Вот золотой поставлю, что через некоторое время, стоит мне доесть это чудесное пирожное, он встанет и направится сюда, чтобы познакомиться и излить всё своё восхищение моей неземной красотой.

Спорить мы с ней не стали, благоразумно промолчав, впрочем, Сильвия и не настаивала. В итоге она оказалась права, и мужчина приятной наружности и телосложения действительно к ней подошёл, вежливо поздоровался и предложил угостить модным напитком, очень дорогим, здесь его называли так же, как и в моём мире – кофе.

И что самое неожиданное, мадам вполне благосклонно приняла все его профессиональные ухаживания.

Несколько позже я узнала, что моя работодательница была женщиной с весьма неоднозначными пристрастиями. В родном городе – Марсэле её все считали старой каргой, блюстительницей строгих нравов, многие приводили к ней своих дочерей для сдачи экзамена по этикету.

Но была и иная сторона. И вот тут калейдоскоп её любовников просто поражал всяческое воображение! Энни тем же вечером, перед сном, после того как я подписала стандартный договор с мадам, поведала мне некоторые детали о Сильвии Бернар: леди оказалась богатой вдовой, в основном проживающей в Марсэле; единственное место, куда она выезжала – это Бристоль, один из самых крупных городов соседнего Энлийского королевства, где жила её родная сестра. И вот вместе с ней Сильвия в течение месяца очень весело

проводила время – кутила на балах и устраивать шикарные приёмы в поместье последней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.